

Л. Бражба

ИЗ ИСТОРИИ
ПИСЬМЕННОСТИ
В АБХАЗИИ

Тбилиси

1967

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

დ. გულიას სახელობის აფხაზეთის ენის,
ლიტერატურისა და ისტორიის ინსტიტუტი
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСТОРИИ ИМЕНИ Д. ГУЛИА

1967

ხ. ბლაჟბა

ღაბნაკლობის ისტორიის
ეპიგრაფიკა

ბავთბელოზა „მეცნიერება“
თბილისი
1967

Х. С. БЛАЖБА
X. C. БГАЖБА

IZ ISTORII PIS'MENNOSTI
ИЗ ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОСТИ
В АБХАЗИИ
V ABKHAZII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА»
Тбилиси
1967

4
494.611.3
Б348

В работе приводятся краткие сведения о греческих, латинских и турецких эпиграфических надписях, найденных на территории Абхазии; более подробно рассмотрены памятники грузинского эпиграфического письма, причем некоторые из них публикуются впервые. Далее прослеживается история абхазской письменности.

LOAN STACK

PK9201
A3B4

ОТ АВТОРА

Автор не ставит перед собой задачу — дать подробный палеографический анализ текстов. В книге по возможности собран и систематизирован фактический материал, извлеченный из музейных коллекций, архивных документов и печатной литературы, а также полученный в результате полевой работы самого автора и других лиц. Особое внимание уделено освещению вопроса возникновения и развития абхазской письменности, столетие которой было отмечено общественностью Абхазии в 1965 году.

Профессору С. С. Джикия принадлежит перевод турецких надписей, а кандидату филологических наук Т. Г. Хажомиа и кандидату искусствоведения Л. А. Шервашидзе — чтение и перевод ряда публикуемых здесь грузинских эпиграфических памятников.

Переводы надписей и других текстов сделаны автором, за исключением тех случаев, которые специально оговариваются.

1. СВЕДЕНИЯ О ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ

Самыми ранними письменными памятниками, засвидетельствованными на территории современной Абхазии, являются памятники греческого письма. Оно начало распространяться ещё до н. э. На побережье Абхазии появляется ряд греческих торговых поселений, среди которых наибольшей известностью пользовались Диоскурия (близ Сухуми), Гюзнос (недалеко от Очамчире) и др. «Древнегреческие города, возникшие на Кавказском побережье в VI в. до н. э., способствовали вовлечению местного населения в товарообмен и взаимовлиянию культуры местной и греческой»¹.

Памятники греческого письма восходят к первым векам нашей эры. Оставая в стороне греческие монеты с надписями, которые обнаруживались при археологических раскопках (особенно в Сухуми и Пицунде), мы можем указать и на эпиграфические и другие надписи, возникшие уже на местной почве. К таким наиболее древним памятникам греческого письма, найденным на территории Абхазии, относятся надписи на сухумском глиняном светильнике, бичвинтской мозаике и печати абхазского владетеля.

Светильник с греческой надписью был найден во время археологической экспедиции 1954 г., проведенной на территории г. Сухуми под руководством М. М. Трапш. Расшифровка надписи (транскрипция, чтение и перевод) проведена Т. С. Каухчишвили. Надпись в переводе гласит: «Странник, поклоняйся владыке Гермесу-Меркурию ради спасения»².

На основании изучения языковых данных и очертания букв, эту надпись Т. С. Каухчишвили датирует первыми веками н. э., считая её интересным эпиграфическим памятником, удостоверяющим в Диоскурии — Себастополисе культ Гермеса, как божества торговли и путешественников. «Если

¹ С. Н. Джанашиа, Абхазская АССР, Исторический очерк, БСЭ, т. I (2-ое издание), стр. 47.

² Т. С. Каухчишвили, Греческая надпись на сухумском светильнике, «Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР», т. XXVIII, Сухуми, 1957, стр. 288; Эпиграфические новости из Грузии, «Вестник древней истории», № 4, Москва, 1958, стр. 132.

принять во внимание, — пишет исследователь надписи, — то обстоятельство, что Гермес-Меркурий являлся божеством торговли и покровителем путешественников, то, надо думать, к нему обращались странствующие купцы. Вещь найдена на территории Диоскурии-Себастополиса, города, имевшего сношения как с другими городами Причерноморья, так и с населенными пунктами внутри страны. Поэтому понятен и характер надписи на светильнике: проживающие на сухумской территории торговцы, которым приходилось разъезжать, поклоняются своему божеству в надежде на покровительство и сохранение жизни с его стороны»³.

Надписи бичвинтской (пицундской) мозаики являются значительными находками археологической экспедиции, проводившейся Институтом истории имени И. А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР под руководством А. М. Апакидзе. Греческие надписи находятся на мозаичном полу алтарной части церкви. В восточной части алтаря сохранился фрагмент из «Апокалипсиса Иоанна» («Я есть Альфа и Омега, начало и конец, говорит господь...»), встречающийся на стенах храмов и на предметах церковной утвари с первых веков н. э. Западнее фрагмента, в том же алтаре, в центре выведен круг, правая сторона которого повреждена, а в уцелевшей части читается шестистрочная надпись, которая в дополненном виде переводится так: «В молении за Орэла и за весь его дом»⁴.

По очертанию букв бичвинтская надпись отнесена к параллелям, датируемым преимущественно V—VII вв.

Во время археологических раскопок на территории Пицунды в 1955 году была найдена вислая печать абхазского владетеля VIII века, на которой имеется греческая надпись «Константинос Абасгнас», т. е. Константин Абазгский (рис.

Рис. 1 и 2. Вислая печать Константина Абазгского.

1 и 2). Как отмечает В. Левинадзе, опубликовавший эту печать, «так мог называться только владетель Абхазии, поль-

³ Т. С. Каухчишвили, Эпиграфические новости из Грузии, ВДИ, № 4, 1958, стр. 133.

⁴ Т. С. Каухчишвили, там же, стр. 130—131.

зовавшийся правом скреплять свои акты и послания вислыми печатями»⁵.

Приблизительно с конца IX века начинается распространение грузинской письменности в Абхазии, как и вообще в Западной Грузии, где до этого времени письменность и церковный язык были греческими. Но несмотря на это, греческие надписи встречаются и гораздо позже на стенах старинных церквей, на надгробных плитах и пр.

Французский путешественник первой половины XIX века Дюбуа де Монперэ, посетивший Пицунду, в маленькой часовне, выстроенной отдельно с края большого притвора, обратил внимание на фрески и надписи на греческом языке. «Я переписал, — пишет он, — самую главную из этих надписей, находящуюся на поле ниши; вот перевод её, сделанный Газом, из Института Франции: «Помяни, господи, отца Кира Баурафа, служителя бога, который соорудил этот храм и купол, и помилуй католикоса во время воскресения его из мертвых вместе со своими людьми. О, бог всезнающий исполни это моление. Лето 7-ое»⁶.

Говоря об остатках древнего разрушенного города Питиус, Дюбуа пишет: «... многие дома ещё наполовину уцелели, можно прочесть на них множество турецких и арабских надписей; даже имеются среди них надписи на греческом и латинском языках с датами 1500 г. — 1600 г.»⁷.

Едва ли все эти надписи Дюбуа мог увидеть, особенно греческие и латинские надписи такой давности. Что касается латинских, турецких и арабских надписей, то о них мы пока каких-либо реальных данных не имеем.

Приблизительно к 1580 году относится греческая надпись из Бичвинты (Пицунды), опубликованная в «Атласе...» М. Броссе⁸. Перевод и анализ текста дается Т. С. Каухчишвили:⁹ «Помяни, господи, раба божьего Параскеву..., который построил храм и купол во владычество отца — католикоса Евдемона; господи, ты все знаешь и воздай за это (года 7...)».

⁵ В. Леквинадзе, Вислая печать Константина Абхазского, «Сообщения АН Груз. ССР», т. XVI, № 5, 1955, стр. 404.

⁶ Ф. Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т. I, Сухуми, 1937, стр. 105.

⁷ Ф. Дюбуа де Монперэ, там же, 112.

⁸ Atlas du Voyage archéologique dans la Transcaucasie, exécuté en 1847—1848, sous les Auspices du prince Vorontzov, par M. Brosset, S.-Petersbourg, 1850. (см. Inscription grecque de Bidchwintz, Pl. XLIV).

⁹ Т. С. Каухчишвили, Греческие надписи Грузии (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филол. наук), Тбилиси, 1952, стр. 17.

Греческие надписи на Пицунде привлекали внимание и других авторов. В частности, А. Н. Муравьев писал: «Внутри, в полукруглом углублении к востоку есть малый престол и над ним начертан лик спаса, поверх трех святителей, с греческой надписью: «Бог во святых почивающий...». На стенах написаны: распятие господне, снятие со креста, погребение с греческими словами. «погребальный плач»¹⁰.

Одну, ныне отсутствующую, пицундскую надпись описал Л. Лопатинский¹¹.

Архимандрит Леонид (Кавелин), писавший под псевдонимом А. Л., ссылается на обнаруженную на северной стене Пицундского храма греческую надпись XVI столетия, посвященную католикосу Евдемону Чхетидзе¹².

Следует иметь в виду, что надписи, связанные с изображениями на стеновых фресках, должны рассматриваться в связи с историей росписи храма, но это, как известно, не всегда совпадает с эпиграфическими надписями о сооружении данного храма. Поэтому точно датировать такие надписи не всегда представляется возможным.

Памятники греческого письма засвидетельствованы и в других старинных храмах Абхазии. Прежде всего должны быть упомянуты надписи, найденные в развалинах Анакопийской крепости на Иверской горе, вблизи территории поселка Новый Афон.

Авторы трудов «Абхазия и в ней Ново-Афонский монастырь» впервые опубликовали их с русским переводом¹³. Этим надписям посвятил специальную работу академик В. В. Латышев; в ней дается научная публикация, транскрипция, чтение и перевод указанных эпиграфических памятников¹⁴. В этой дешифровке устранены неточности и ошибки, встречающиеся у вышеупомянутых авторов.

¹⁰ А. Н. Муравьев, Грузия и Армения, III, СПб., 1848, стр. 306.

¹¹ Л. Лопатинский, Находка в Пицундском монастыре—древнем Питиунте, «Изв. Кавказ. отд. Москов. археологич. общ.», вып. IV, Тифлис (приложение), стр. 121—122.

¹² Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, составил А. Л., Москва, 1885, стр. 36. В 1887 г. вышло второе издание этого труда, а в 1898 г. под тем же заглавием, какое носит труд А. Л., появилось новое описание Абхазии и Ново-Афонского монастыря, составителем которого значится И. Н.

¹³ Абхазия и в ней Ново-Афонский монастырь, составил А. Л., 1885, стр. 50, 55—56; см. книгу под тем же заглавием, составленную И. Н. (М., 1898), стр. 99, 102, 103; Т. С. Каухчишвили, Греческие надписи Грузии (на груз. яз.), Тбилиси, 1951, стр. 4.

¹⁴ В. В. Латышев, К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря, С.-Петербург, 1911.

Из новоафонских письменных памятников заслуживает внимания камень, с греческой надписью X века, найденный в развалинах Анакопийской крепости (рис. 3). Чтение надписи в исправленной орфографии и с раскрытием сокращений (по В. В. Латышеву) приводится ниже (рис. 4).

Перевод: «... Месяца марта..., лета 6437, индикта 2... Боже небесный, крепкий и бессмертный, упокой его. Аминь. Троица единосущная, Христе боже, спаси недостойного твоего Евстафия пресвитера, написавшего (сие). Аминь».

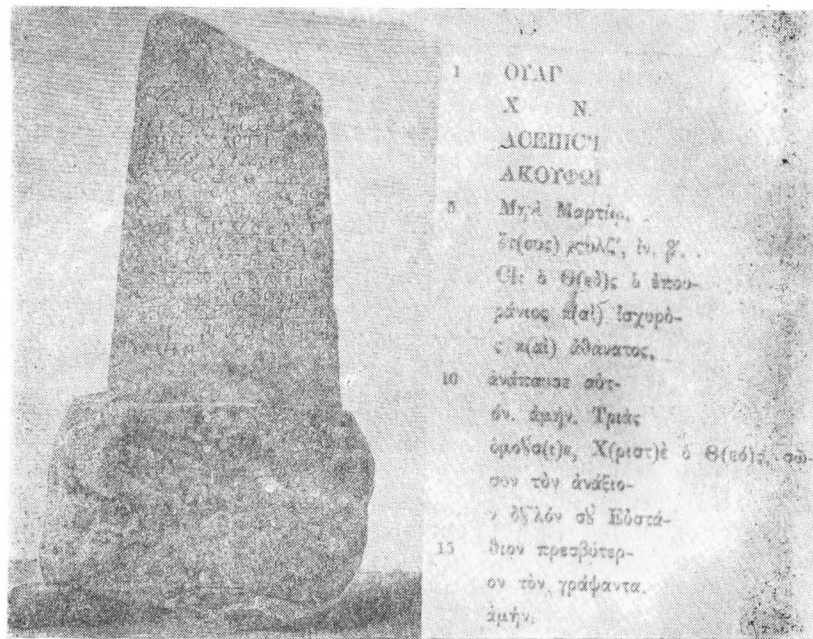

Рис. 3 и 4. Камень с греческой надписью (Анакопия).

Поставленный в надписи 6437-й год соответствует, по общепринятому / счету, 929 году н. э.¹⁵

«Вся дата относится, без сомнения, — пишет В. В. Латышев, — ко времени кончины лица, над могилою которого был поставлен этот памятник. Имя и звание этого лица, к сожалению, не сохранились, но по тщательности обработки креста и по длинной, старательно иссеченной надписи, составленной или вырезанной на камне пресвитером, можно предположить, что это было какое-либо знатное духовное или светское лицо... Таким образом, наша надпись представляет

¹⁵ В. В. Латышев, К истории христианства на Кавказе, Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря, С.-Петербург, 1911, стр. 18.

собой документ несомненного существования в данной местности христианства с греческими или, по крайней мере, говорившими и писавшими по гречески пресвитерами в 30-х годах X века, до Р. Хр., в царствование Константина Багрянородного»¹⁶.

Далее следует плита с надписью. Её транскрипция, с исправлением орфографических особенностей, дается в указанной работе В. В. Латышева.

+ Ἐκαλλιεργήθη προνοία Θεοῦ καὶ τῆς Θεοτόκου καὶ τῆ μεγάλης εὐτυχίας Κωνσταντίνου μεγάλου βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος Ῥωμαίων τοῦ Μονομάχου διὰ συνδρομῆς Εὐγενίου πρωτοσπαθαρίου (ο) τοῦ Δεσπότη καὶ Θεοδώρου ταξιάρχου Κασῆς τοῦ Β(ι)αλάντη [αῦ] τῆ ἡ θαυμαστή... ἔτ(ου)ς [ϜεϜ]γδ', μηνὶ Φεβ[ρουα]ρίῳ, Ἰνδικτι[ο]-ῶνος ιδ'.

Перевод: «Построена промыслом бога и богородицы и великим счастьем Константина Мономаха, великого царя и самодержца римлян, содействием Евгения протоспафария Деспота и Феодора Валанти, таксиарха Касы, сия дивная... лета 6554, в месяце феврале, индикта 14-го».

Анализируя греческие надписи в Анакопии, В. В. Латышев пришел к выводу: «В представленном выше кратком историческом очерке судеб Абхазии в первой половине XI в., мы видим, что Анакуфа, переданная в 1033 г. Алдою или сыном её Димитрием Роману Аргиру, оставалась во владении византийских императоров. После покорения Ани прекрасное стратегическое положение этой крепости легко могло внушить Константину Мономаху мысль сделать её одной из операционных баз на побережье, и в этих видах он, по всей вероятности, и отдал протоспафарию Евгению и таксиарху Феодору повеление ремонтировать укрепления или вновь построить какие-либо необходимые крепостные здания, а для удовлетворения религиозных потребностей гарнизона воздвигнуть церковь, которой раньше в самой крепости, быть может, вовсе не было»¹⁷.

Полный свод и анализ греческих надписей, засвидетельствованных в Абхазии (в Пицунде, Лыхны, Новом Афоне, Иверской горе, Гума, Сухуми, Моква), даны в вышеупомянутой монографии Т. С. Каухчишвили «Греческие надписи Грузии» (стр. 1—31).

Латинские надписи на территории Абхазии встречаются очень редко. М. Ростовцев в своей заметке «Надпись из Сухума» сообщает, что в 80-х годах из Сухумской крепостной

¹⁶ В. В. Латышев, К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря, С.-Петербург, 1911, стр. 18, 20.

¹⁷ В. В. Латышев, Указ. соч., стр. 27.

стены был извлечен обломок серой известковой плиты с латинской надписью:

H] ad [r..
per Fl. A...
leg

В надписи упомянуты два лица: император Адриан и легат того же императора, известный писатель Флавий Арриан. Весь текст, с учетом пропавшей части, мог иметь такое содержание: «Адриан через легата Флавия Арриана сей порт соорудил»¹⁸.

Среди письменных памятников, сохранившихся на территории Абхазии, значительное место занимают лапидарные и иные надписи, исполненные древнегрузинским письмом.

Тесные культурно-исторические и политические связи Абхазии с Грузией восходят к первым векам нашей эры. Уже в конце VIII века образуется западно-грузинское абхазское царство, в состав которого входили абхазы как самостоятельный этнический элемент. Затем, с X века, Абхазия входит в объединенное грузинское царство.

Культурное состояние Абхазии, особенно в XI—XIII вв., приобретает «типичный феодалный облик, характерный для всей Грузии того времени. Это находит свое объяснение в том, что тогда Абхазия экономически и политически была связана с Грузией сильнее, чем когда-либо в предшествующую эпоху»¹⁹.

Усилившаяся культурная близость Абхазии с Грузией находит свое выражение прежде всего в том, что в этот период на территории Абхазии грузинский язык является языком письменности, государственного делопроизводства и церковного богослужения²⁰.

О распространении грузинской письменности в средневековой Абхазии, особенно в церковной жизни, свидетельствуют грузинские надписи на стенах древних храмов. Наиболее характерными в этом отношении являются надписи, сохранившиеся на арке Беслетского моста, при ктиторских изображениях Бедийского храма, а также эпиграфические надписи, найденные в селах Царче, Гумуриши, Анухве, Хопи, Цебельде, Члоу и др.

¹⁸ М. Ростовцев, Надпись из Сухума, «Записки императорского Одесского общества истории и древностей», т. XXII, Одесса, 1907, стр. 4—6; см. также: Б. А. Куфтиц, Материалы по археологии Колхиды, т. I, Тбилиси, 1949, стр. 125.

¹⁹ З. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, Сухуми, 1959, стр. 196.

²⁰ Там же, стр. 196

Наиболее древние грузинские надписи, засвидетельствованные на территории современной Абхазии, как лыхненская, анухвская, царчинская, гумуришская, илорская, по мнению палеографов, датируются в основном XI—XII веками, хотя некоторые из них могут быть отнесены и к более раннему периоду — к X веку.

К ранним памятникам грузинского письма в Абхазии относятся эпиграфические надписи, найденные в с. Шониа и селах Гальского района — Гумуриши (рис. 5) и Царче.

Рис. 5. Надпись из с. Гумуриши (Гальский р-н).

Надпись из Гумуриши в расшифровке Т. В. Барнавели:

С сохранением
сокращений

... სა მწმბღლი დ
ფლთა დფ...
სგდბტ ნნ ა
სლჲ ან

С раскрытием
сокращений

... სა მწმენებელი დ
ე[დ]ოფალთ დე[დ]ოფალი
სააგდუბტ ნიანის ა
სული ამინ.

Перевод: «... (Христе возвеличь) построившую... (сеи храм?) царицу цариц Саагдухт, дочь Ниани. Аминь».

Эта надпись представляет особый интерес ввиду упоминания в ней «царицы цариц» (დედოფალთ დედოფალი) Саагдухт. Характерно, что почти такое же имя встречается на чеканной иконе из Рачи. Это икона — Знаквас джвариса: «Ставроте-

ка. Серебро с позолотой. Надпись на выдвижной крышке под фигурой св. Григория Чудотворца (из Нео-Кесарии) передает, что ставроотека являлась вкладом некоей Сахакдухт»²¹.

Надпись из с. Царче (рис. 6), выполненная письмом нухури, состоит из восьми строк, из коих 1, 6 и 7 повреждены: на правой стороне надписи высечен крест, мешающий чтению. В чтении и расшифровке Т. Г. Хажомиа, в надписи — упоминается некий Пашадзе, расписавший придел часовни св. горы.

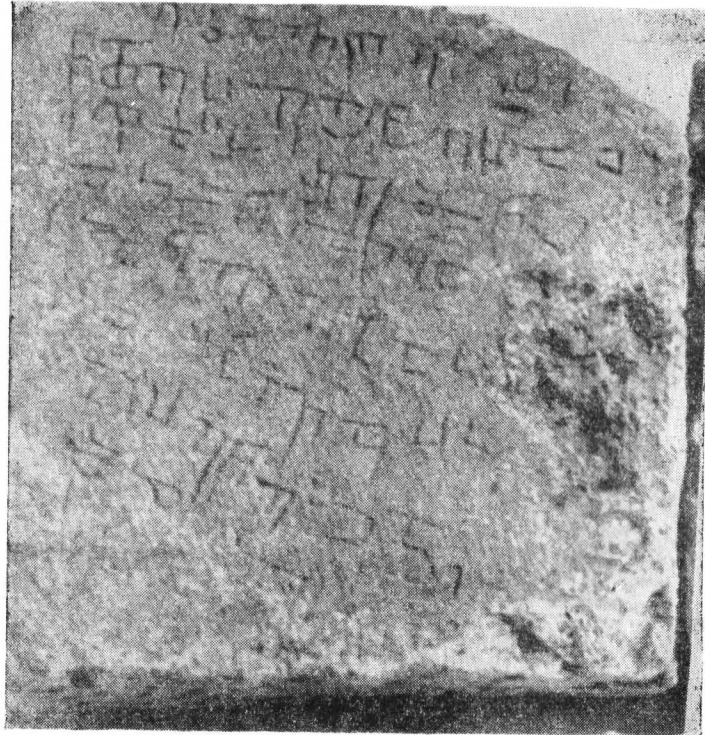

Рис. 6. Надпись из с. Царче (Гальский р-н).

На одной из стен Лыхненского храма ещё в прошлом веке была видна древнегрузинская надпись уставным круглым письмом (асомтаврული), сообщавшая о появлении кометы, в 1066 году. Надпись гласила: «Христос, являешься ты благословенным богом и господином всего сущего. Это произошло от сотворения мира лета 6669, в хроникон 286 (1066) в царствование Баграта, сына Георгия... В апреле месяце появилась звезда, из недр которой (исходили лучи), возвышаясь

²¹ Г. Н. Чубинашвили, Грузинское чеканное искусство, Тбилиси, 1957, стр. 15 (см. Аннотации).

перед ней, подобно святому сиянию... Это произошло от вербной недели до воскресенья (Христово)»²².

На Лыхненском храме, кроме вышеприведенной, была фресковая грузинская надпись, в которой упоминаются имена св. Василия и св. Григория Богослова²³.

Большой интерес представляют надписи, обнаруженные на развалинах в сел. Анухва Гудаутского района. В 30-х го-

Рис. 7. Резной столб с надписью (с. Анухва).

²² Ф. Жордания, Хроники, т. I, стр. 210 (на груз. яз.). Опубликованная здесь же (по Броссе) надпись читается так:

«ქრისტე კურთხეულხარ ღოთ ყოვლად ყოველსა შინა. ეს იქმნა დასაბამითგან წელთა ჭქით (1065 წ.), ქკს : სპვ : (1066 წ.) მეფობასა ბაგრატ გიორგის ძისას ინდიკტიონსა: **ჲ**რ (?). აპრილსა თვესა ვარსკულავი გამოჩნდა, რომელ მისსა წიაღსა აღმოლიდის (აღმოვლიდის?) და წინა მისსა ვითარცა შარავანდელი დიდი მოკიდებით მასვე ა(?) ეს იქმნა ბოობითგან აღვსებამდე“.

²³ П. Уварова, Христианские памятники Кавказа, «Материалы по археологии Кавказа», вып. IV, Москва, 1894, стр. 16, табл. III.

дах местным краеведом И. Адзинба был найден резной столб, который хранится в Абхазском краеведческом музее в Сухуми (рис. 7). Эта надпись, исполненная уставным круглым письмом, может быть датирована XI вв.²⁴

Ниже дается текст надписи в чтении и переводе Л. А. Шервашидзе:

С сохранением сокращений	С раскрытием сокращений
1. სსლიოთა ღმრთისათა	სახელითა ღმრთისათა
2. ავშენე ჳჯარი ესე სხლსა	ავაშენე ჳჯარი ესე სახელსა
3. ზაღსა მამისა	ზედა ღმრთისა მამისა
4. ძისა სლვისა წმლისა	ძისა სოვლისა წმიდისასა
5. მე გვი ბსლის ძემან	მე, გიორგი ბასილის ძემან
6. აწ ვინცა ევედ	აწ ვინცა ევედ
7. რბდთ ჩნ:ს:ნივე	რებოდეთ ჩუენ სამნივე
8. ძმანი: ლცვა	ძმანი ლოცვა
9. სა მოგოვიტსე	სა მოგუიტსე
10. ნენით ან იყვენ	ნენით ამინ იყავნ

Перевод: «Именем божьим воздвиг сей крест во имя бога, отца, сына и святого духа я, Георгий сын Василия. Отныне кто будет ему молиться, помяните нас троиц братьев, да будет аминь».

В верхней части надписи (с титлами) читается: «Святой Георгий», а в нижней — повторяется то же самое.

К грузинским надписям из Анухвы относится и нижеследующая надпись (рис. 8), которая в переводе гласит: «Святые архангелы Михаил и Гавриил».

При датировке грузинских надписей из Лыхненского и Анухвского храмов заслуживает внимания монета грузинского царя Георгия II, найденная в 1957 г. М. М. Трапш во время археологических работ в Анакопийской крепости (на территории Иверской горы, близ поселка Новый Афон). Древнегрузинская надпись на монете (рис. 9; см. стр. 19) расшифрована Д. Г. Капанадзе:²⁵ «Христе! возвеличь Георгия абхазцев и картвелов царя и Кесароса».

Данная монета является единственной находкой на территории Грузии. Она чеканилась между 1081—1089 годами.

На рубеже X—XI вв. царь грузинский Баграт III воздвиг замечательный храм в сел. Бедиа. В Бедийском храме при

²⁴ На основании стилистического анализа памятника и палеографического разбора надписи Л. А. Шервашидзе в работе «Резной столб из сел. Анухва» (рукопись) датирует этот памятник XI веком.

²⁵ Д. Г. Капанадзе, Неизданный вариант грузинской монеты XI в., — Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР, вып. XXX, Сухуми, 1960, стр. 101—104.

киторских изображениях сохранились обрывки надписей. Как указывает Р. О. Шмерлинг, «вместо имеющих большое научное значение обозначений должностей и имен, сопровождавших в свое время изображения, фрагментированная и размытая живопись сохранила лишь обрывки отдельных букв, смысловая связь между которыми в основном утрачена»²⁶.

Рис 8 Надпись из с. Анухва (Гулаутский р-н).

С Бедийским храмом связана чаша золотого потира; чашка не сохранилась. «В двенадцатичастной аркатуре напротив восседающего на троне Христа, по сторонам которого

²⁶ Р. О. Шмерлинг, К вопросу датировки росписи храма Бедиа, «Сообщения Акад. наук Груз. ССР», т. XVIII, № 4, 1957, стр. 504.

стоят Иоанн и Яков, изображена сидящая богоматерь, со стоящими Петром и Павлом по сторонам; между названными апостолами стоят с одной стороны Адрей, Лука и Марк, а с другой — Леввей, Фаддей и Варфоломей. Вдоль верхнего края, начиная примерно над изображением Христа, тянется ктиторская надпись Баграта, царя Абхазии, и его матери царицы Гурандухт, которые пожертвовали чашу построенной им церкви. Последняя была закончена в 999 г. Следовательно, с этим совпадает и время изготовления чаши. До начала 30-х годов чаша хранилась в церкви Илори; после была передана в краеведческий музей в Сухуми. Сейчас — находится в музее в Тбилиси»²⁷.

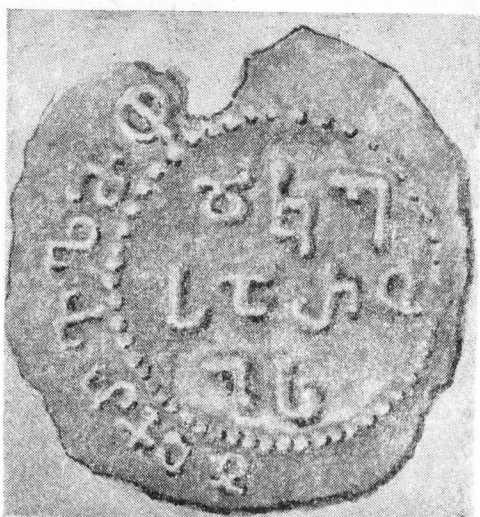

Рис. 9. Монета грузинского царя Георгия I (Анакопия).

Надпись в русском переводе гласит: «Христе! Святая Богородица, будь заступницей перед сыном твоим Баграту абхазскому царю и матери его царице Гурандухте, пожертвовавшим сию чашу, украсившим сей алтарь и построившим сию святую церковь. Аминь»²⁸. Тот же текст на бедийской чаше и транскрипции обычным грузинским шрифтом и с раскрытием сокращений: „ქ. წმიდაო ღმრთის მშობელი მეფე ეყავ წინაშე ძი-

²⁷ Г. Н. Чубинашвили, Грузинское чеканное искусство, Тбилиси, 1957, стр. 15 (см. Аннотации).

²⁸ О бедийском храме. Издание Сухумской церковно-археологической комиссии, Сухуми, 1913, стр. 5; Г. Н. Чубинашвили, Бедийская золотая чаша, «Вестник Музея Грузии», т. X, 1940, стр. 1—16.

სა შენისა ბაგრატ მეფესა და დედასა მათსა გურანდუხტ დედოფალსა, ამის ბაგრატისა შემწირველთა, ამის საკურთხეველისა შემამკობელთა და ამის წილის საყდრისა აღმაშენებელთა. ამინ“.

На ножке чаши, которая считается утерянной, читается: «Пресвятая Влахерская Богоматерь, будь помощью мне бедиел-митрополиту Герману Чхетидзе, удостоившему украсить ножку святой сей чаши, да будешь ходатайницей перед сыном твоим в день судный, аминь!»²⁹.

К древним памятникам грузинского письма в Абхазии примыкают и стеновые надписи на Илорской церкви, построенной в XI веке

Одна из этих надписей (рис. 10) хорошо сохранилась и приводится ниже в чтении и переводе Т. Г. Хажомиа:

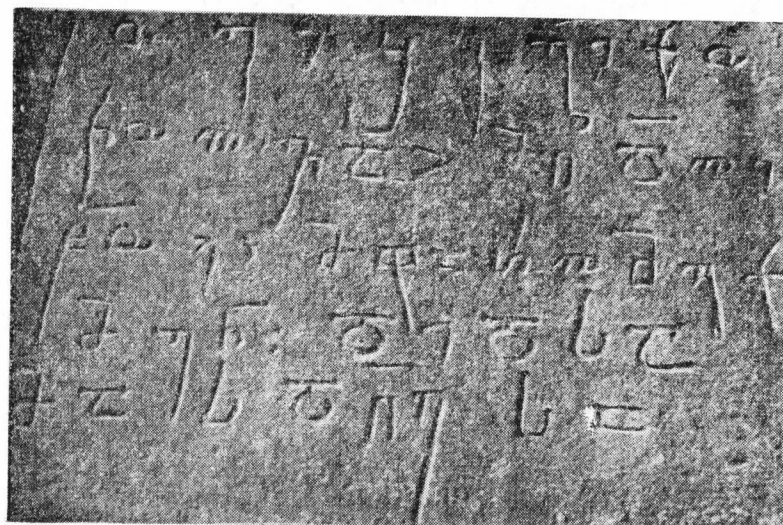

Рис. 10. Стенная надпись Илорской церкви.

С сохранением сокращений	С раскрытием сокращений
1. [წ]ოგ[ი] შე გიგო	წმიდაო გიორგი შეწყალებ გიორგი
2. ხო ღვასი მღვლი	ხოლოღვასე მღვლი ³⁰
3. წო გნი მფარლ მექ	წმიდაო გიორგი მფარველ მექ
4. მენ: დიდსა	მენ: დიდსა
5. მას დღესა	მას დღესა

²⁹ Д. Бакрадзе, Кавказ в древних памятниках христианства. «Записки Общества любителей Кавказской археологии», кн. I, Тифлис, 1875, стр. 39.

³⁰ Может быть, მღალაღებელი „глашатай“

Перевод: «Святой Георгий! Помилуй Георгий Кочолвай (священника). Святой Георгий будь мне покровителем в великий тот день».

В 1935 году на боковой части арки Беслетского моста, после очистки её от плюща, местным краеведом И. Адзинба была обнаружена надпись (рис. 11), высеченная грузинскими заглавными буквами, от которой в настоящее время сохранилась незначительная часть.

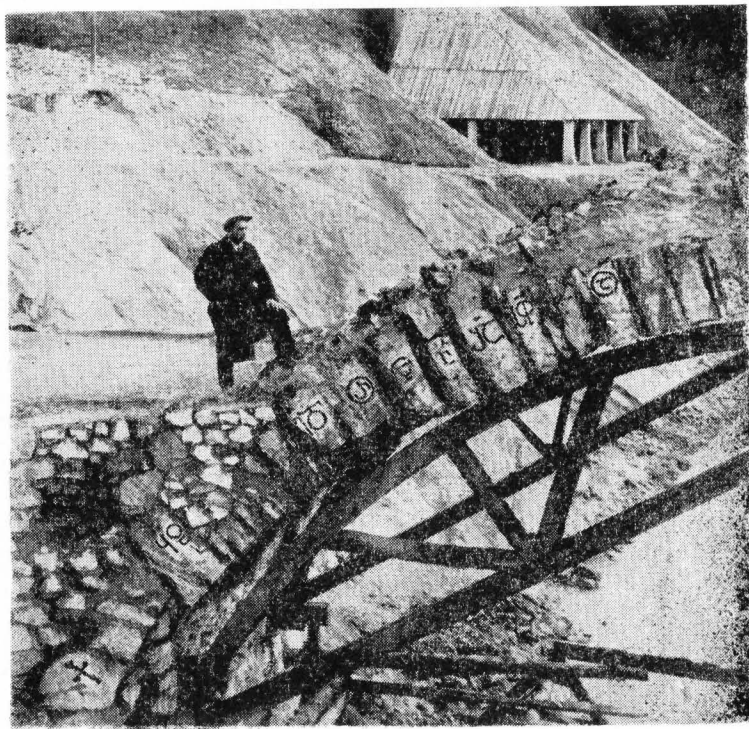

Рис. 11. Надпись на арке Беслетского моста (г. Сухуми).

Расшифрованная действительным членом Академии наук Грузинской ССР Г. Н. Чубинашвили, надпись читается так: «Христос владыка всячески возвеличь в обеих жизнях»... (конец надписи стерт). По палеографическим признакам надпись относится к XII веку.

Ряд древнегрузинских надписей XIII в. обнаружен в районе Цебельды. Надписи высечены на обломках басменных, серебряных, позолоченных окладов. Из этих обломков удалось сложить оклад с иконы Иоанна Крестителя (с де-

фектной надписью) и оклад иконы св. Екатерины³¹. П. Уварова в своей работе об исторических памятниках Абхазии приводит немало данных о грузинских надписях, обнаруженных ею в этом районе. Так, на одном серебряном с позолотой окладе из церкви в сел. Полтавском сохранилась и дефектная надпись, «без имени создателя оной», выполненная уставным шрифтом. Надпись под иконой св. Екатерины пропит у великомученицы покровительства «душе Мариамы» (рис. 12).

На обломке от металлического настила надгробья имелась такая надпись: «Оковал сию гробницу для души моей и братьев Елия...»; на другом обломке: «О, святой апостол господи Иисусе Христе, прими сие пожертвование от меня. Эристава и сахлтухуцеса Аболасана, сына Иова»³².

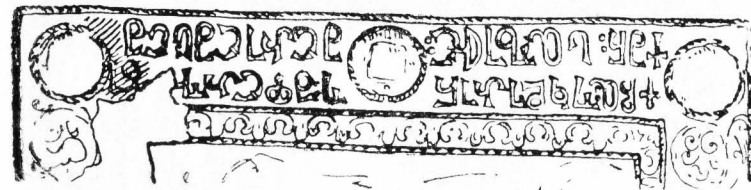

Рис. 12. Надпись на окладе иконы (с. Цебельда).

В 1938 году в развалинах цебельдинской церкви была обнаружена надпись (рис. 13; см. стр. 22).

Транскрипция и расшифровка надписи:

С сохранением сокращений	С раскрытием сокращений
ამის ჯისა	ამის ჯუარისა
მაშე ნებე	მაშენებე
ლსა ლქს მრ	ლსა ლუკას მარ
ტინივ ას შო	ტინივ ას შეუნ
დოს ლნ: ან	დოს ლმერთმან: ამინ

Перевод: «Строителя сего креста Луку Мартинивас³³ да помилует бог. Аминь».

Заслуживает внимания надпись (рис. 14; см. стр. 24) на Илорской иконе, выполненная заглавными буквами (асомтаврული):

1. ქ: წო: გო: ილორისავო: აღიდენ: და ასოვევენ: ორთ
7. ავე: შნა სოვევათა: ძლიერი და ოძლეველი ღვე
3. გვირგვინოსნ: მეფეთა მეფე: ღთ: ძე: როს

³¹ П. Уварова, Христианские памятники Кавказа, МАК, вып. IV, 1894, стр. 28, 29 (таблицы X и XI с грузинскими надписями).

³² П. Уварова, Там же, стр. 29.

³³ Может быть, Лука Мартиневе.

4. დანსი: რომლისა: ბბითა: მოიჭედა: ხატი
 5. ესე: ილორსა: მთავარ: მოწმისა

ქ. წმიდაო გიორგი ილორისავო აღიდენ და ასუფევენ ორთა-
 ვე შინა სუფევათა ძლიერი და უძლეველი ღოთქვე გვირგვინოსანი
 მეფეთა მეფე დავით ძე რუსუდანისი რომლისა ბრძანებითა მოი-
 ჭედა ხატი ესე ილორისა მთავარ მოწმისა^{33ა}.

Рис. 13. Надпись, найденная в развалинах церкви (Цебельда).

«Св. Георгий Илорский, возвеличь и воцари в обоих царствах сильного и непобедимого, богом венчанного царя

^{33а} Чтение и перевод Т. Г. Хажомиа.

царей Давида сына Русуданы, повелением которого отчеканена сия икона Илорского великомученика».

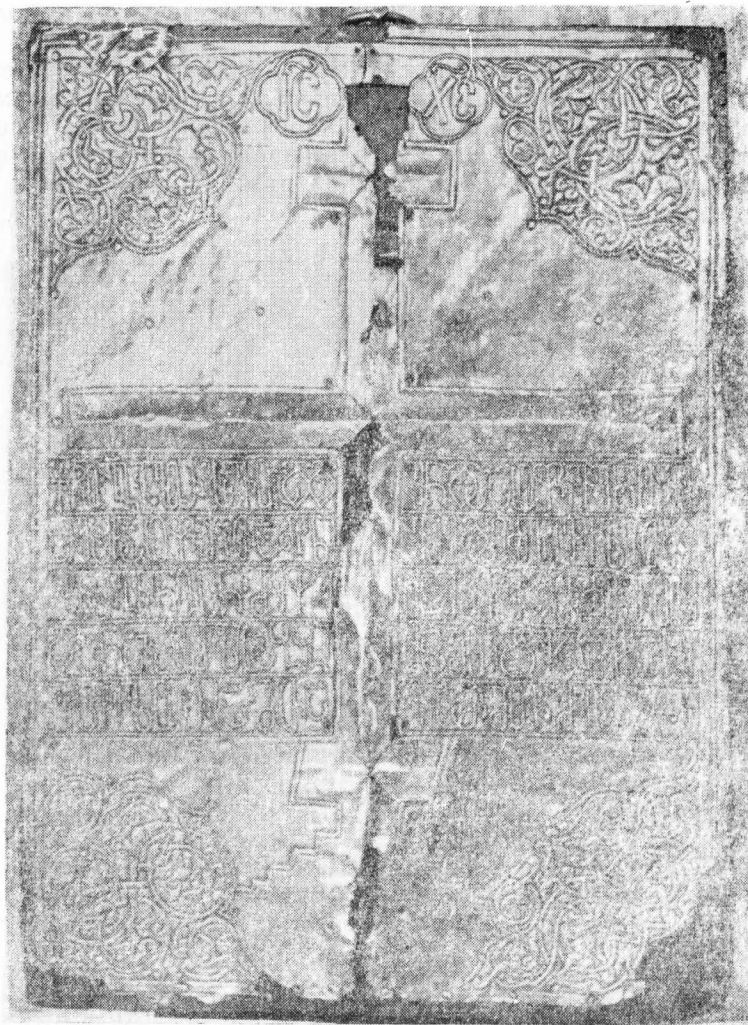

Рис. 14. Надпись на Илорской иконе (Очамчирский р-н).

Царица Русудана царствовала с 1222 года по 1245 год. Затем наступила эпоха бесцарствия. Только в 1249 году монголы утвердили в Грузии на царство двух претендентов: Давида, внебрачного сына царя Георгия Лаша, и сына царицы Русуданы Давида. После восстания в Грузии против

монголов (1259 г.) Давид, сын Русуданы вынужден был укрыться в Западной Грузии, царем которой он по существу являлся с 60-х годов XIII века³⁴. Поэтому естественно, что приведенная выше надпись легко датируется второй половиной XIII века.

В 1886 году, недалеко от Сухуми, на правом берегу реки Келасури были открыты два небольших разрушенных храма. Как сообщает К. А. Владимиров, при раскопке произведенной полковником Циросани, было найдено несколько медных предметов, весьма похожих на находки, сделанные в храме у села Полтавского. В земле под престолом одного из

Рис. 15. Надпись из сел. Члоу (Очамчирский р-н).

храмов был найден четырехконечный железный крест. Затем было обнаружено несколько медных розеток, куски окладов с икон с грузинскими буквами уставного письма и кусочки цветного стекла³⁵.

В 1955 г. на развалинах храма в сел. Члоу была обнаружена грузинская надпись на камне (рис. 15).

Эта надпись относится к XIII — XIV столетиям, по-видимому, к тому периоду, когда на территории современного Очамчирского района распространялась власть мегрельского владетеля Дадияни. Ниже приводится текст надписи в обыч-

³⁴ История Грузии (учебник для VIII—X классов), под редакцией Н. А. Бердзенишвили, Тбилиси, 1960, стр. 124, 126, 129.

³⁵ К. А. Владимиров, Древности Черноморского побережья Кавказа, С.-Петербург, 1900, стр. 14—15.

ной грузинской транскрипции и с частичным раскрытием сокращений:

ერისთავთ ერისთავო
მანდატურთ უხუცესი ღღბ ობს
შეუბღვენ ღმერთმან.

Сокращенное слово ღღბ может означать фамилию Дадияни, а следующие за ним буквы (ობს), которые, может быть, обозначают его собственное имя, требуют расшифровки. С учетом сказанного, эту надпись можно расшифровать в следующем виде:

Эристава — эриставов
мандатурт ухуцеса Дадияни (... имя рек?)
помилуй боже.

Эпиграфические памятники XI — XIV вв., найденные на территории Абхазии, выполнены преимущественно на грузинском языке. «Встречающиеся в тот период в отдельных храмах надписи на греческом языке представляют собой лишь пережиточное явление чисто культового характера. Следует однако отметить, что грузинский язык получил распространение преимущественно среди абхазской феодальной знати и известной части торгово-ремесленного населения городов. Разговорным же языком коренного населения края оставался абхазский»³⁶.

Выстроенные в XI—XIII вв. христианские храмы в Абхазии свидетельствуют вместе с тем и о том, что феодальная культура в Абхазии носила ярко выраженный христианский характер. Христианские памятники Абхазии по своему художественному уровню не уступают аналогичным памятникам на остальной территории Грузии того периода³⁷.

В XIV—XV вв. происходит распад единого грузинского государства на отдельные царства и княжества. Во второй половине XVI века Абхазия, как и вся Западная Грузия, подпадает под влияние султанской Турции. Сложилась неблагоприятная обстановка, при которой Грузия, а вместе с ней Абхазия, оказались в тяжелом положении. Отныне экономика и культура страны переживает упадок, затянувшийся на длительный период. На протяжении XVI—XVIII вв. на территории Абхазии почти не создано ни одного архитектурного памятника, который по своей художественной значимости встал бы в один ряд с памятниками предшествующего времени. Определенная часть абхазской феодальной знати принимает ислам, хотя в целом ислам в Абхазии не получил широкого распространения. В середине XVII века (возможно и раньше) абхазские (западно-грузинские) католиконы

³⁶ З. В. Анчабадзе, Указ. соч., стр. 197.

³⁷ Там же, стр. 197.

были вынуждены перенести свою резиденцию из Пицунды в Гелати (близ Кутаиси).

Рис. 16. Надпись на каменном надгробии Б. маршана (с. Лата).

Рис. 17. Надпись на каменном надгробии Х. Шервашидзе (г. Сухуми)

Турецкое письмо в Абхазии не получило заметного распространения. Памятники этого письма представлены в виде единичных надгробных надписей (эпитафий), высеченных обычно на монолитном камне. Они найдены, главным образом, в районе Сухуми. Отдельные экземпляры попадаются и в других местах (например: в сел. Джирхва Гудаутского района и сел. Члоу Очамчирского района). Самым древним памятником турецкого письма в Абхазии является надпись на могиле некоего Мехмеда сына Насуха, датируемая 1598 годом. Вторая аналогичная надпись посвящена памяти муллы Мехмеда Эмина, сына Кадызаде Хасана эфендия и датируется 1785 г.

Турецкие эпиграфические памятники встречаются и в XIX веке в виде надписей на каменных надгробиях некоторых крупных абхазских феодалов. К ним относятся надгробные надписи на могиле князя Батал-бея Маршана в сел. Лата и Хасан-бея Шервашидзе — сына абхазского владетельного князя Келеш-бея. Ниже приводится русский перевод этих надписей, сделанный проф. С. С. Джикия.

Перевод надгробной надписи (рис. 16) на могиле Батал-бея (1859 г.):

«...Друказаде(?) покойный (стремящийся) к спасению всемилосердного господу, за спасение души Батал-бея — да будет аллах им доволен — фатиха!»³⁸

Перевод надгробной надписи (из Сухуми) на могиле Хасан-бея (рис. 17); (на снимке первая строка повреждена и не читается; эта строка надгробия Х. Шервашидзе г. Сухуми)

³⁸ Ф а т и х а, I-ая глава Корана, читаемая в качестве молитвы над усопшими.

ка, как будто, продолжение другой строки, которая, нужно полагать была выше)³⁹:

«Он (еще) при жизни достиг
близости спасения,
день и ночь оказывал он
хороший прием
(народу) (?), общине; какое
множество рабов (слуг)
протягивало руку к его
благодеянию.
(Да прочтем) фатиху за
(спасение) души
Хасан-бея, сына Келеш-бея.
1253 год (хиджры, = 1838 г.)».

И в период турецкого владычества в Абхазии (XVI—XVIII вв.) грузинский язык выполнял роль церковного, литературного языка, хотя не с такой интенсивностью, как это имело место в эпоху существования единого грузинского царства. До нас дошли памятники рассматриваемого периода свидетельствующие о развитии грузинской письменности в Абхазии. Интересна в этом отношении надпись строчным (церковным) шрифтом «нусхури» на одной складной иконе св. Георгия из Бедийского храма, относящаяся ко времени правления в Сабедиано Левана I (1532—1572 гг.). В надписи содержится просьба о ниспослании благоденствия «эриставу эриставов и мандатурт-ухуцесу Дадиани Левану, по велению которого украшен сей святой образ». Другая грузинская надпись была высечена на западной стене Бедийского храма: «Святая мать божия, будь ходатайницей за того, кто построил этот святой храм, за Симона, начальника каменщиков». На внутренней, южной, стене храма было написано: «...Царица царц Мариам и сын ее эристав эриставов и мандатурт-ухуцес Дадиани Георгий» (1572—1582 гг.)⁴⁰.

О распространении в XVI—XVII вв. памятников грузинской церковной культуры и письменности на территории Абхазского княжества свидетельствует и Арк. Ламберти, который сообщает следующее: «За Колхидой, в стране абхазов и джигетов стоят прекрасные храмы, выстроенные в грузинском стиле и с книгами на грузинском языке (*edificati alla Giorgiana, col libri scritti nel- l'idioma Giorgiano*), например. в местах, называемых Анакопия и Пиджвита»⁴¹.

³⁹ Замечание проф. С. С. Джикья: Некоторые места, ввиду их неясности, перевести не удалось (они отмечены в переводах пунктиром).

⁴⁰ З. В. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, Сухуми, 1959, стр. 276.

⁴¹ Там же, стр. 276.

В XVI—XVII вв., как и прежде, среди феодальных кругов Абхазии основным письменным языком продолжал оставаться грузинский литературный язык. По этому вопросу акад. С. Н. Джанашиа писал: «Такая функция грузинского языка в Абхазии была плодом многовекового культурно-исторического развития... Соответствующие традиции переходили из поколения в поколение, в соответствии с историческими условиями, то беспрепятственно, то с небольшими задержками, поскольку в сфере реальных интересов тяготение Абхазии к остальным частям Грузии полностью никогда не прекращалось... Грузинский язык не потерял этой своей роли и тогда, когда, после распада Грузинского царства, образовалось Абхазское владетельное княжество — носитель самостоятельной политической жизни. В церковном отношении Абхазия до последнего времени находилась в единстве с Имеретией, Мегрелией и Гурией с единым церковным (грузинским) языком. Грузинский же был языком учреждений княжества как и вообще письменным языком»⁴².

О распространении грузинского языка в высшей абхазской феодальной среде могут свидетельствовать некоторые грамоты абхазских владетелей, дошедшие до нас от того времени, в частности грамоты Сустара и Квапу Шервашидзе, написанные на грузинском языке.

Сустар (Саустан) Шервашидзе в XVIII веке на имя Пидундской церкви направил две грамоты. По первой грамоте он дарил церкви одну девочку, а по другой крестьянина Гайчкинди Чангелия. Все это, как говорится в документе, предназначалось владетелем для обеспечения собственного благополучия и здоровья сына Сореха⁴³.

В документе, заключающем клятву Квапу Шервашидзе (конец XVII века) не заниматься работоторговлей, на имя абхазского католикоса, говорится следующее: ... «Мы владетель Квапу Шервашидзе и брат мой Кереким, написали и подносим сию твердую неизменную и во все дни нашей жизни подлежащую исполнению клятвенную книгу вам, северному и абхазскому католикосу Давиду в том, чтобы впредь без вашего ведома и разрешения не продавать нажанеульских и хойрских жителей, которые ныне имеются, не мешать им в несении в пользу вас положенной службы и повинностей... Когда пожалуете и приедете, пусть они служат вам так же, как служили другим старым католикосам до вас»⁴⁴.

⁴² С. Джанашиа, Георгий Шервашидзе, см. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. III, 1939, стр. 28, 37.

⁴³ И. Г. Антелава, Очерки по истории Абхазии XVII—XVIII вв., Сухуми, 1951, стр. 151.

⁴⁴ И. Г. Антелава, Указ. соч., стр. 55—56

Приводим грузинский оригинал:⁴⁵ „...ესე აუარებელი და დღეთა ჩვენთა სიკუდილამდის საბოლოოდ გასათავებელი, მტკიცე-უტყუარი ფიცი, პირი და წიგნი დაგიწერეთ, და გამოგართვით ჩვენ შარვაშიძემან ბატონმან ყუაპუ და ჩემმან ძამამან ქერექიმ თქვენ ჩრდილოისა და აფხაზეთისა კათალიკოზსა დავითს ასრე და ამა პირსა ზედან, რომელ ნაუნაურელი და ჯიორული კაცები, რომელიც ახლა იყოს, ის შეუცოდებლად და თქვენდა ეკითხვად აღარც გაუყიდოთ, და თქვენის სიტყვისა და ბრძანების მორჩილის კაცისაგან კარგად შემოუაროთ, არც თქვენი ხლება და სამსახური დაუშალოთ, და არც თქვენი ბეგარა და სარგო, რომელიცა ემართოს, და ჩვენ, რომელიც არ დავხარჯოთ, ის მოგიშალოთ, და დაგიჭიროთ კიდევ-როდისაც მობრძანდეთ, როგორათაც სხვას ძველს კათალიკოზებს ემსახურებინოს და ეხმაროს, თქვენც ისრე გამსახუროთ და გერგებოდეს“.

О распространении грузинского языка среди абхазских феодалов указывает и Вахушти. Он пишет: «... (абхазы) имеют свой собственный язык, однако знатные владеют также грузинским»⁴⁶.

Грузинский язык и письменность имели распространение в Абхазии и в первой половине XIX века. По свидетельству русского ученого М. Селезнева, побывавшего в Абхазии в 1841 году, среди местных феодалов многие знали грузинское и турецкое письмо⁴⁷. Н. С. Джанашиа замечает, что и в XIX веке делопроизводство в канцелярии абхазского владетеля велось на грузинском языке; что последний владетельный князь Абхазии Михаил в кавказское управление и к его представителям обращался обычно на грузинском языке; что сохранились оригиналы некоторых грузинских бумаг Михаила⁴⁸.

Заслуживают внимания и некоторые грузинские надгробные надписи, встречающиеся в Абхазии во второй половине XIX века. Эти надписи выполнены заглавными (церковными) буквами — асомтаврули (напр.: надписи на надгробных плитах абхазского владетельного князя Михаила и его супруги) и мхедрули (гражданское письмо) — надпись на могильной плите полковника М. Маршания.

45 «Древности Грузии», Тбилиси, 1920, том I, стр. 36.

46 Вахушти, Описание царства Грузинского, изд. М. Джанашиа, 1918, стр. 314.

47 М. Селезнев, Руководство к познанию Кавказа, кн. II, СПб., 1847, стр. 206.

48 Н. С. Джанашиа, Георгий Шервашидзе, см. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. III, Тбилиси, 1940, стр. 29.

Надпись на могиле М. Маршания (рис. 18):

«Под этой плитой покоится прах славного абхазского князя гвардии полковника Михаила Баталбеевича Маршания, который после Елварской победоносной войны с татарами (турками) и своими соотечественниками-отступниками, поданными России, скончался в Тбилиси 13 декабря 1877 года, оставив в горе любимую супругу и малолетних детей. Сию плиту положила в его память супруга княгиня Дарья Манучаровна Шервашидзе».

Рис. 18. Надпись на надгробной плите М. Маршания (с. Моква).

Перевод к рис. 19 (см. стр. 32):

«Здесь покоится княгиня Абхазии Александра Георгиевна Дадияни, скончавшаяся в 1862 г.»

Перевод к рис. 20 (см. стр. 32):

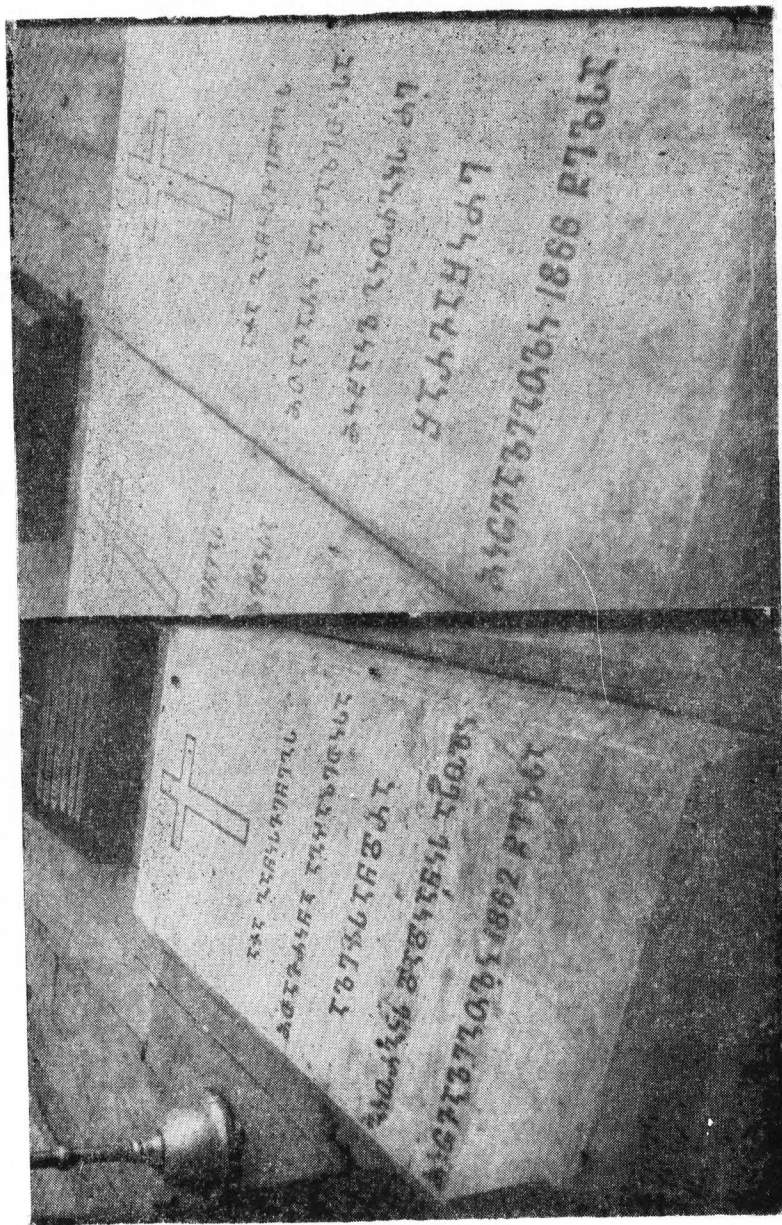

Рис. 19. Надпись на надгробной плите А. Дадиани (с. Моква)

Рис. 20. Надпись на надгробной плите М. Шервашидзе (с. Моква)

«Здесь похоронен абхазский (владельческий) князь Михаил Георгиевич Шервашидзе, скончавшийся в 1866 году».

Эпиграфический материал на территории Абхазии не ограничивается приведенным выше. Исследования, проводящиеся Абхазским институтом языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР, постоянно прибавляют к уже имеющимся новые памятники эпиграфики.

Большой интерес представляет, например, эпиграфический материал, найденный при расчистке неизвестного до сих пор времени памятника средневековья — храма «Цкелкари» (Гальский район). Это, во-первых, четырехстрочная надпись пухса, процарапанная на камне престола среднего алтаря храма. Затем составляющаяся из отдельных обломков камней почти полная шестистрочная надпись асомтаврили. Наконец, исполненная черной краской по стенной штукатурке пятистрочная надпись мхедрули. Первые из этих надписей относятся хронологически к XI в., последняя — к XVII в. Все три надписи представляют молитвенные обращения к св. Георгию.

Кроме того, интересны надписи стеновых росписей того же памятника, сопровождающие изображения как святых, так и светских лиц, а также отдельные фрагменты надписей, найденных во время расчистки памятника на обломках камня.

Нужно так же отметить строительную надпись асомтаврили из с. Хопи (Гудаутского района), датирующуюся XI в. и содержащую молитвенное обращение к святому Николаю⁴⁹.

Можно не сомневаться, что выявление и дальнейшее изучение исторических памятников культуры, откроют новые эпиграфические материалы на территории Абхазии.

Первые записи абхазского лексического и фразеологического материала сделаны иностранными учеными и путешественниками, побывавшими на Кавказе, в частности в Абхазии, главным образом, со второй половины XVIII века. Они интересовались историей, географией народов Кавказа и их языками. Записывая материал при помощи арабского и латинского алфавитов, они допускали большие неточности и искажения, в результате чего остались незамеченными специфические фонемы кавказских языков.

Сведения об абхазском языке до второй половины XIX века ограничены отдельными неточными записями. Древнейшим свидетельством абхазского языка должна считаться за-

⁴⁹ Тексты надписей Цкелкари и Хопи были прочтены обнаружившим и изучившим их старшим научным сотрудником Абхазского института Л. Шервашидзе и отредактированы эпиграфистом Т. Барнавели. Весь эпиграфический материал по Цкелкари и Хопи приведен в исследовании об этих памятниках, опубликование которого предстоит в ближайшее время.

пись 40 абхазских слов и фраз, сделанная в 1641 году известным турецким путешественником Эвлия Челеби. Она интересна некоторыми фонетическими подробностями, хотя слова записывались арабскими буквами и в ряде случаев неузнаваемо искажены. Транскрипция, расшифровка и чтение абхазского материала Э. Челеби даются в исследовании Р. Блейхштейнера⁵⁰. Несмотря на это, сообщения Э. Челеби об абхазских племенах и даже списки слов представляют определенный интерес для абхазоведа.

Во второй половине XVIII века кавказские языки привлекают внимание русских ученых (И. Гюльденштедт, П. Паллас). Значительный материал по кавказским языкам представлен в записях И. Гюльденштедта — естествоиспытателя, который в 1768—1773 гг., по поручению Петербургской Академии наук путешествовал по России и Кавказу. Во второй части его «Путешествий» дан перевод 265—290 слов на 13 иберийско-кавказских языках, в том числе и абхазском (абасском) языке⁵¹. Списки слов и текстовый материал по абхазскому языку (абаза) приводятся и у Ю. Клапрота⁵².

Первым из ученых, кто до П. К. Услара занимался изучением грамматического строя абхазского языка, является немецкий ориенталист Г. Розен, у которого в работе, посвященной осетинскому языку, в качестве дополнения даются материалы и сведения о языках мегрельском, сванском и абхазском⁵³. При записи и публикации материала этих языков он параллельно использует два алфавита: латинский и грузинский. Г. Розен отмечал достоинства грузинского алфавита, который обозначает ряд специфических фонем, являющихся общими для иберийско-кавказских языков.

До второй половины XIX века письменности на абхазском языке не существовало. Как видно из анализа письменных памятников Абхазии, «литературными языками служили: греческий (приблиз. до IX в.), грузинский (IX—XIX вв.) и отчасти турецкий (XVIII в.)»⁵⁴.

Анализ эпиграфического материала свидетельствует о том, что предкам абхазов, хотя они не имели своего письма на родном языке, начиная с первых веков нашей эры не была чужда письменная культура. Абхазский народ, находясь издавна в общении с культурными народами, пользовался

⁵⁰ R. Bleichsteiner, Die Kaukasischen Sprachproben in Evliya Çelebi's, seyahetname, Caucasia, XI, 1934, стр. 104—110.

⁵¹ J. A. Güldenstädt, Reise durch Russland und in Caucasischen Gebürge, ч. II, СПб., 1791, стр. 527—535.

⁵² Voyage au Mont Caucase et en Géorgie, par M. Jules Klaproth, tome second, Paris, 1823, стр. 411—436.

⁵³ G. Rosen, Ossetische Sprachlehre nebst einer Abhandlung über das Mingrelische, Suanische und Abchasische, Berlin, 1846, стр. 72—81.

⁵⁴ С. Н. Джанашиа, Труды, т. III, Тбилиси, 1959, стр. 211.

греческим, латинским, турецким, русским, особенно грузинским письмом. Грузинской письменностью как книжным языком абхазы пользовались в течение веков. Она имела распространение и среди других народов Кавказа (осетин, адыгов и т. д.).

В этой связи заслуживает внимания заметка, опубликованная в 1895 году в грузинской газете «Квали» («След») под названием «О кавказском алфавите». В ней описывается такой случай: «Один абхазский князь, находившийся в Турции у своего брата махаджира (переселенца из Абхазии) рассказывал следующее. В Стамбульском кавказском кафе-ресторане собираются для бесед черкесы (так называют там всех кавказцев). Как-то между одним из черкесов и турком завязался жаркий спор: каждый доказывал другому преимуществу своей нации. При этом черкес сказал: «Мы оторваны от родного источника, живем в чужой стране, но и здесь неплохо ведем свои дела, если бы мы были у себя на родине». Турок заметил: «Что же вы из себя представляли там, если даже не имели своего алфавита, своего письма». На это черкес ответил: «Нашим общим алфавитом был грузинский».

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АБХАЗСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Абхазские феодальные владетели, по примеру грузинских царей, искали помощи и покровительства России. Не сразу и нелегко удалось Абхазии добиться присоединения к русскому государству. Так, владетельный князь Абхазии Келеш-бей Шервашидзе (Чачба) в 1808 году был убит турецкими заговорщиками. Сын Келеш-бея, Георгий (Сафар-бей) обратился за помощью к русскому правительству и был признан «наследственным князем Абхазского владения» под верховным покровительством России (в 1810 году). В том же году русский десантный отряд выбил турок из Сухумской крепости и занял её.

Военная помощь со стороны России избавила Абхазию от угрозы порабощения со стороны Турции и создала предпосылки для экономического и культурного развития. Однако, экономическое и культурное развитие страны тормозилось колониальной политикой царизма. Но с другой стороны — присоединение Абхазии к русскому государству приобщало абхазский народ к великой русской культуре, оно дало возможность приехать туда многим выдающимся культурным деятелям России, оставившим свой глубокий след в Абхазии и способствовавшим развитию её национальной культуры и языка.

В XIX веке, после присоединения Абхазии к России, в Абхазии постепенно начинают распространяться русская грамотность. Детей отдельных абхазских феодалов стали отдавать в русские учебные заведения, преимущественно военные. Ещё в 20-х годах XIX века сын абхазского владетеля Сефербея (Георгия) Шервашидзе — Дмитрий окончил пажеский корпус в Петербурге. Всенное образование получил С. Т. Званба — (1809—1855) — боевой офицер русской армии, автор замечательных этнографических работ об абхазах⁵⁶. Хорошо владел русским языком и сын последнего абхазского владетеля Михаил (Хамут-бея) Шервашидзе — литератор и общественный деятель Георгий (1840—1918), писавший свои произведения (драмы, поэмы и стихи) на грузинском языке, но его перу принадлежат несколько стихотворений и ряд статей, написанных на русском языке⁵⁷.

Русский язык начинает распространяться после открытия в 50—60-х годах первых русских школ в Абхазии (в г. Сухуми, сел. Окуми и т. д.).

Вопрос о введении письменности на родных языках горских народов, а также о распространении среди них грамотности встал после окончания «кавказской войны» (1864 г.). Царизм при этом преследовал, разумеется, руссификаторские цели, но некоторые мероприятия, осуществленные им в данном направлении, имели, несомненно, объективно прогрессивное значение.

Более ста лет назад впервые на Кавказе развернулось изучение горских иберийско-кавказских языков. Инициатива в этом деле исходила от Кавказского Отдела Императорского Русского Географического общества, основанного в Тбилиси в 1851 году. Среди шестнадцати членов-основателей этого общества — был выдающийся русский языковед-кавказовед П. К. Услар, исключительно плодотворная деятельность которого по изучению иберийско-кавказских языков падает на шестидесятые годы. За каких-нибудь десять лет (1861—1871) он написал ряд ценнейших монографий по языкам: абхазскому, чеченскому, аварскому, лакскому, хюркилинскому (т. е. даргинскому) и кюринскому (т. е. лезгинскому). Изучая эти языки, он имел в виду не только теоретическое, но и практическое значение своих работ в деле создания алфавитов и письменности на родных языках горцев. Он мечтал о распространении среди них культуры и просвещения.

Начиная с 60-х годов XIX века, создаются алфавиты для ряда горских народов Кавказа, издаются буквари, кое-где открываются начальные школы. Этими вопросами зани-

⁵⁶ С. Т. Званба, Этнографические этюды, Сухуми, 1955.

⁵⁷ Георгий Шервашидзе, Лирика. Эпос. Драма, Сухуми, 1946.

мается возникшее в начале 60-х годов «Общество восстановления православного христианства на Кавказе».

П. К. Услар являлся военным — генералом русской армии, но интересовался филологическими вопросами и был в курсе всех достижений современной ему историко-лингвистической мысли. Он, говоря словами акад. А. Шифнера, «имел счастье с редкой настойчивостью сочетать и здравое суждение и удачный метод исследования».

Ещё в конце 50-х годов П. К. Услару было поручено составить историческое описание Кавказа. Он считал, что исполнит эту задачу наилучшим образом, если ознакомится с языками отдельных народов Кавказа, усатривая, таким образом, тесную связь языка с историей народа. Это тем более относилось к горским народам, не имевшим традиций письменной культуры. П. К. Услар был уверен, что история этих народов должна получить свое прояснение путем надлежащего изучения языкового материала, путем вскрытия его древних пластов, что достигается сравнительным изучением. П. Услар был последователем сравнительно-исторического языковедения, которое уже в 50—60-х годах достигло значительного уровня своего развития, заслужив похвальный отзыв со стороны Фр. Энгельса.

П. К. Услар — основоположник научного изучения горских иберийско-кавказских языков... «Он во всеоружии современной ему историко-сравнительной лингвистики закладывал основы их научного изучения... Точность, с которой описывается фонематический состав и грамматический строй указанных языков, делают монографии Услара нестареющими»⁵⁸.

П. К. Услар интересовался кавказскими языками не только в теоретическом аспекте. Результаты научного изучения языков он хотел использовать в деле создания письменности и практических алфавитов для бесписьменных горских языков Кавказа. «П. К. Услар, — писал М. Р. Завадский, — не был исключительно кабинетным ученым и постоянно имел в виду практику, школьное преподавание, о чем свидетельствуют составленные им буквари»⁵⁹, статьи... и деятельность его по обучению горцев грамоте. Он старался применить на практике добытое им путем исследования. Труды П. К. Услара могли бы и теперь быть полезным пособием для учителей разных школ многоязычного Кавказа⁶⁰.

⁵⁸ А. С. Чикобава, П. Услар и вопросы научного изучения горских иберийско-кавказских языков, «Иберийско-кавк. языковедение», т. VII, 1955, стр. 461, 471.

⁵⁹ Услар составил буквари чеченского, казикумухского (лакского) и кюринского (лезгинского) языков.

⁶⁰ См. предисловие М. Р. Завадского к труду П. К. Услара «Этнография Кавказа. Языковедение. Абхазский язык», Тифлис, 1887, стр. VII.

П. К. Услар не мог не видеть, что с присоединением горских народов Кавказа к России в их жизни наступил переломный момент. Период войны кончился, но еще не было нужного взаимопонимания между горцами и царской администрацией. «Мы и горцы, — писал Услар, — как бы находимся на двух противоположных берегах реки, через которую нет переправы»⁶¹.

Указывая на значение создаваемой письменности для горских народностей Кавказа, П. К. Услар подчеркивал: «Нельзя выпустить этих языков из виду уже по одной той простой причине, что им суждено прожить еще долгий ряд веков. Скольким бы языкам мы ни выучились, ни один не запечатлеется в целом духовном мире нашем так глубоко, как язык родной, — язык на котором непосредственно выражается своеобразный склад наших понятий... Эти родные языки составляют самые надежные проводники для распространения между горцами нового рода понятий. Забрать эти проводники в свои руки, суметь распорядиться ими... дело трудное, но и заслуживающее того, чтобы подумать о нем»⁶².

П. К. Услар указывает на то, что первоначальное образование должно быть на родном языке. Он считал, что «грамотность на родном языке должна доставаться горцам весьма легко, — так же легко, как достается она учащимся в целой просвещенной Европе при разумной системе обучения. Сверх того, должна она подготавливать и располагать горцев к изучению русского и к ознакомлению с русским образованием. Очевидно, что оба условия в совокупности могут быть достигнуты лишь тогда, когда в основания горских алфавитов принят будет алфавит русский»⁶³.

Вместе с тем П. Услар учитывал значение родного языка в деле обучения русскому языку в начальной школе. «В русском языке, — отмечал он, — инородческие дети оказывают наиболее успехов там, где первоначальное учение ведется на туземном»⁶⁴.

⁶¹ П. Услар, О распространении грамотности между горцами (см. «Абхаз. яз.» — первое приложение), стр. 9.

⁶² Там же, стр. 16—17.

⁶³ П. Услар, О распространении грамотности между горцами (см. «Абхаз. яз.» — первое приложение), стр. 22.

⁶⁴ Там же, стр. 15.

И другие прогрессивные деятели Кавказа поддерживали идеи Услара о создании алфавита на родных языках горских народов Кавказа. Вот что писал анонимный автор в статье «Введение письменности у кавказских горских народов», опубликованной в газете Кавказ (№ 10, 1862 г., Тифлис): «Создание письменного языка для всех вообще кавказских горцев есть без сомнения самое лучшее и верное средство введения между ними гражданственности и твердое основание умственного

Работа Услара, направленная на создание письменности для бесписьменных народов Кавказа, и высокая оценка им роли родного языка в просвещении народных масс свидетельствовали о дальновидности и прогрессивном характере его научной и практической деятельности. «Попытки Услара создать письменность для бесписьменных народов Кавказа, его высказывания о роли родного языка в просвещении народных масс имели большое значение для развития национального самосознания представителей горских народов Кавказа, уяснения ими роли родного языка. У него мы находим много весьма ценных положений, не потерявших своего значения и в наше время, относительно воспитания чувства дружбы между народами, о приобщении свободолюбивых горцев Кавказа к великой русской культуре. Эти положения занимают почетное место в истории русской педагогической мысли и широко используются советскими педагогами в исследованиях, посвященных истории развития просвещения на Кавказе»⁶⁵.

Как было отмечено выше, в 60-х гг. XIX в. царское правительство одобрило необходимость создания письменности для горских народов Кавказа. Оставалось разрешить вопрос, какой из существующих алфавитов удобнее применить к ним. Было признано более целесообразным «приспособить к горским языкам русскую азбуку с большими или меньшими ус-

— — — — —
нравственного их развития: без письменности ни народ, ни правительство не достигнут никаких результатов.

Никто не будет спорить, что первоначальные предметы изучения легко усваиваются на природных языках; с другой стороны, всякая здравая мысль, переданная на родном языке, всегда тверже врежется в ум и глубже западет в сердце, и перенесенная молодым горцем со школьной скамьи в семью, сделается доступною многим. Нельзя также сомневаться, что горец, передавая окружающим на родном им языке познания, почерпнутые им в школе, внушит к себе глубокое уважение в народе... Отсюда понятно, что образование горцев на природных языках будет естественнее и более заключает в себе гарантий в быстроте и прочности их развития».

⁶⁵ Ю. Д. Дешериев, Значение научного наследия П. К. Услара для советского кавказоведения, «Вопросы языкознания», № 3, М.; 1956, стр. 108. «Следует, однако, отметить, что в деятельности П. К. Услара, как высокопоставленного чиновника, представителя царской власти на Кавказе, иногда чувствовалось вредное влияние господствовавших в то время политических и общественных взглядов». В частности, Услар не верил в возможность развития национальной литературы на языках, для которых он создавал письменность. «И все же в постановке и разработке научных проблем по истории и филологии верх брало более передовое, прогрессивное по сравнению с тем, что иногда писали историки, филологи, этнографы о Кавказе и кавказских народах».

ловными добавлениями». Соображения эти подкреплялись и опытом применения русского алфавита к осетинскому языку академиком Шёгреном в 40-х годах XIX в. Имея в виду будущую судьбу осетин, он принял в основу осетинской азбуки русский алфавит, хотя он при этом признавал, что «грузинский алфавит, кроме общего внутреннего достоинства, несравненно способнее к выражению звуков, осетинскому языку свойственных»⁶⁶.

Осетинский алфавит Шёгрена, основанный на русской графике, послужил образцом при составлении горских алфавитов. Шёгрэн включил без изменения в свой алфавит 19 русских согласных букв (б, в, г, д, з, ж, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш) и 5 гласных букв (а, и, о, у, е), всего 24 буквы. Кроме того, ученому пришлось создать дополнительные знаки для специфических фонем осетинского языка, с этой целью он взял отдельные знаки из других алфавитов и придумал новые начертания. Из латинского алфавита Шёгрэн заимствовал буквы j (йота), q (верхне-фарингальный согласный, соответствующий груз. q). Из готической азбуки он перенял букву **h** для гортанного согласного, соответств. латинскому h или грузинскому z. Он использовал эту букву при обозначении согласных, соответствующих груз. q, j, q. Для выражения этих звуков Шёгрэн к буквам **г, к, п, т**, присоединил в сокращенном виде знак **h** и получил соответственно:

gh kh ph th. «Эти сложные буквы, более приспособленные по

своему начертанию, к скорописному письму, вошли и в усларовскую азбуку»⁶⁷.

Шёгрэн создал сложные начертания для переднеязычных абруптивов и звонких аффрикат **ch chh dh dhh**. Эти буквы не были приняты Усларом, он заменил их грузинскими буквами или сходными с ними по начертанию знаками⁶⁸:

ჭ ჭ ღ ღ

Приступая к изучению горских языков и составлению для них азбуки, П. К. Услар, как и Шёгрэн, обратил свое внима-

ние на достоинства системы грузинского алфавита. Используя ее, Услар сначала составляет общий алфавит для кавказских языков, который он назвал «кавказско-грузинской азбукой». По этому поводу Услар писал: «Если смотреть на грузинский алфавит в отношении к самому грузинскому языку, то нельзя не сознаться, что он удовлетворяет всем условиям: едва ли это не есть совершеннейший из всех существующих алфавитов. Каждый знак выражает один и тот же звук. Во всех европейских языках есть камень преткновения — это орфография; для грузин, благодаря совершенству их алфавита, этой трудности почти не существует».

Далее, ссылаясь на мнение филолога Г. Розена, который считал, что система звуков в осетинском, мегрельско-лазском, сванском и абхазском языках одна и та же с грузинской, и что грузинский алфавит, при помощи нескольких дополнений, удобен для этих языков, Услар продолжает «Отсюда видно, что система грузинской азбуки может быть принята за основание для общей азбуки всех кавказских языков, чуждых до сих пор грамотности. Но если мы позаимствуем у грузин не только систему азбуки, но и начертание букв, то совершенно произвольно создадим затруднения, которые тем будут ощутительнее, чем более грамотность распространится по Кавказу... Грузинский алфавит употребляют одни лишь грузины; он резко отличается как от русского, так и от всех европейских; притом теперь уже русская грамотность весьма распространена между образованными грузинами и армянами. Большая часть горских народов почти не имеет никаких сношений с грузинами, но находится в непрерывных сношениях с русскими, живо чувствует потребность учиться русскому языку и русской грамоте»⁶⁹.

Исследование горских иберийско-кавказских языков П. К. Услар начал с абхазского языка. Еще «в июле 1861 г. в продолжение целых семи дней»⁷⁰ он изучал абхазский язык в Сухуме, а затем ему удалось продолжить эту работу в Тифлисе. Здесь он занимался абхазским языком с тремя абхазами, вызванными в то время в Тифлис комиссией, работавшей над составлением абхазского букваря; работа с абхазами продолжалась шесть недель. Результат этой работы — монография «Абхазский язык», которая литографским способом была отпечатана в 1862 г.

Абхазская грамматика составляет первый лингвистический труд П. К. Услара, получивший сразу высокую оценку⁷¹

⁶⁶ Шёгрэн. Осетинская грамматика, СПб., 1844, стр. XVI.

⁶⁷ Л. Загурский. Кавказские горские письмена, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. V, Тифлис, 1871, стр. 25.

⁶⁸ О соотношении алфавитов Шёгрена и Услара см у Л. Заурского (цитир. работа, стр. 24—27, а также таблицы III и IV).

⁶⁹ П. Услар, Абхазский язык (см. приложение), стр. 48—50.

⁷⁰ П. Услар, Нечто об азбуках кавказских горцев, «Кавказ», № 20, 1863 г.

⁷¹ А. Шифнер, который изложил и опубликовал на немецком языке абхазскую грамматику Услара, дает ей следующую оценку: «...Особен-

и не утративший своего научного значения и до сих пор. Монография П. Услара «Абхазский язык» вместе с его монографией «Чеченский язык» была удостоена Демидовской премии Российской Академии наук. Абхазская азбука, составленная Усларом, была приложена к его монографии «Абхазский язык».

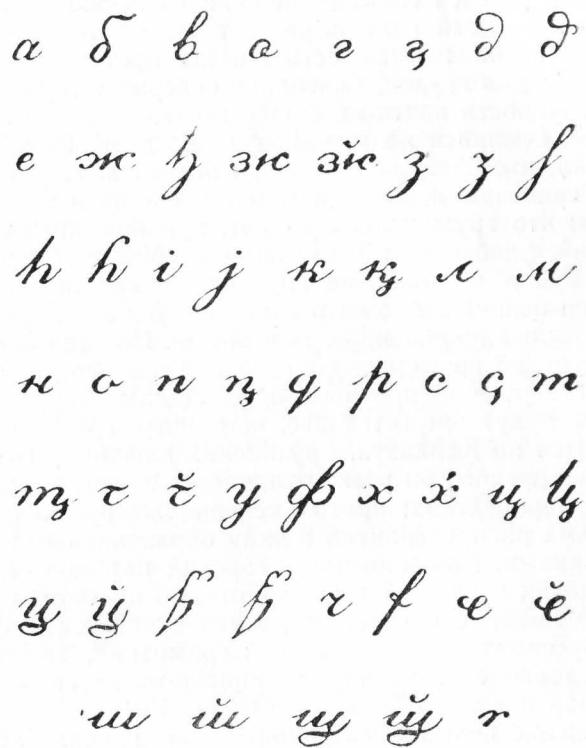

Рис. 21. Абхазская азбука П. К. Услара.

Теперь рассмотрим алфавит П. Услара (рис. 21) с точки зрения графики, начертания самих букв и их основных соотношений. Но важно, что барон Услар занялся фонетикой абхазского языка... Он старался с содействием трех абхазцев создать азбуку абхазского языка из русских и грузинских букв, изменяя отдельные буквы по разным оттенкам произношения. Очерк грамматического строения абхазского языка он начинает с местоимений личных, столь важных для обозначения взаимных отношений слов в речи, и затем приступает к изложению различных форм абхазских глаголов. Здесь нельзя не удивляться редкому таланту Услара, успевшего узнать все отдельные оттенки глагольных форм для обозначения как временных, так и местных отношений...» (см. газ. «Кавказ», № 85, 1865 г.).

тавных элементов. Как сказано, за основу абхазского алфавита он взял алфавит русский. В фонетическом отношении между абхазским и русским языком имеется большое различие. Общими в них являются 24 фонемы: 5 гласных и 19 согласных. В свой абхазский букварь П. Услар включил русские буквы, изображающие эти общие фонемы, каковы: а, б, в, г, д, е, ж, з, і (т. е. и), к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш).

Для изображения собственно абхазских согласных Услар модифицировал некоторые основные буквы диакритическими знаками, введя надписное (і̇, џ̇, ж̇, ё̇, ш̇, џ̇), знак ударения (х́) и седиль (ґ, қ, җ, с, т).

Для изображения других специфических абхазских согласных он видоизменил начертание некоторых русских букв:

џ, џ̇, џ̇, е, ж, ш.

Кроме того, П. Услар использовал отдельные буквы других национальных алфавитов:

а) из греческого ζ (современное рукописное — дзета),

τ (рукописное тау);

б) из латинского: ђ, ѓ (видоизменение предыдущей графемы для обозначения среднефарингального, лабиализованного согласного), і, ј, џ;

в) из грузинского: ზ, ზ̇, ზ̇, ზ̇;

г) из славянского (кириллицы): з, г.

В абхазской азбуке П. Услара 55 цельных знаков. Несколько абхазских фонем ему не удалось обозначить графически.

П. К. Услар не различает фонематически Ж и џ от ЖЬ и џЬ; поэтому, например, он пишет аж „виноград“ и ажыга „лопатка“, но аџ (вместо аџь) „дуб“ и аџар (вместо аџьар)

«крест»⁷². Следует заметить, что знак j (jota) j П. Услар использует и для палатализации заднеязычных согласных:

ʃb ʃx ʃy ʃz ʃh ʃh а лабиализацию тех же согласных он обозначает посредством У. Гу. гу, ку, қу ху. қу. Означённые 12 согласных он не включил в алфавит, относя их не к графике, а к орфографии.

При печатании монографии П. Услара в 1887 г., типографским способом М. Р. Завадский внес изменения в начертание 16 усларовских букв, мотивируя это стремлением придать рукописным буквам печатную форму⁷³. Но при этом начертание отдельных букв Услара он существенно изменил, что видно из нижеследующей таблицы (рис. 22)⁷⁴.

Устар Завадский		Услар Завадский	
з	ѓ	ƒ	č
з	дз	g	g
кz	к	g	д
nz	п	ƒ	ѕ
tz	т	τ	τ
fb	ц	ƒ	т
tz	ц	e	ч
щ	щ	ƒ	ц

Начертания нескольких букв (№№ 11—12), исправленные Л. Завадским, были использованы в алфавите, состав-

72 П. К. Услар, *Абхазский язык*, стр. 132—133.

73 Там же, стр. IX.

74 *Абхазская азбука* П. К. Услара и составленная Л. Завадским на ее основе печатная форма этой азбуки опубликованы в VI выпуске СМОМПК, 1888.

ленном переводческом комитетом (см. приложение I), и частично вошли в последующие варианты усларовского алфавита, не исключая и современного абхазского.

Востоковед Л. Загурский подверг критике книгу П. Услара, изданную М. Завадским, который самовольно заменил усларовский алфавит своим. Л. Загурский считает алфавит М. Завадского пестрым и эклектическим (составлен из алфавита В. Ф. Миллера, из знаков, введенных П. Усларом и самим М. Завадским). «Подобная транскрипция, страдающая отсутствием логичности, — писал Л. Загурский, — производит путаницу в алфавите и затрудняет усвоение грамотности»⁷⁵. Кроме того, критик указывает и на то, что в алфавите М. Завадского наблюдается большое расхождение с русским.

Вопросу об алфавитах горских кавказских языков Л. Загурский посвятил специальные работы: «Кавказские алфавиты», «Кавказско-горские письма». Усларовскому алфавиту он дает следующую характеристику: «П. К. Услар по примеру Шёгрена, принял за основание горских азбук русский алфавит, выбросил из последнего те же буквы, что и Шёгрэн, ввел в горские азбуки тоже несколько латинских букв, но значительно упростил свои алфавиты. Во-первых, основываясь на том, что обозначение всех тонкостей произношения, в особенности гласных букв, невозможно в азбуках, составляемых для народного употребления, ген. Услар оставил в своих алфавитах только самые необходимые гласные. Во-вторых, находя, что совокупление двух букв для выражения одного звука составляет явное несовершенство алфавита, он не дал места в своих азбуках тем шёгреновским письменным начертаниям, которые весьма наглядно представляют сочетание двух букв, и предпочел им три немного видоизмененные грузинские буквы... В-третьих, г. Услар считает несовершенством в алфавитах чрезмерное употребление точек и буквенных значков. В этом отношении усларовские азбуки имеют характер грузинского алфавита и диаметрально противоположны арабскому. Что же касается до буквенных значков, то Услар отдаёт предпочтение таким, которые соединены непосредственно с данными буквами, будучи как бы составной их частью». Но, учитывая сложность звукового состава кавказских языков, для которых впервые создавалась письменность, П. Услар не смог обойтись совершенно без употребления отдельных надбуквенных значков, так как он, «имея в виду облегчение грамотности для туземцев, дал место в своих алфавитах только скорописным буквам и выбросил заглавные буквы. Одним словом, он заботился всеми

75 Приложение к IX тому «Известий Кавказского Отдела Русского географического общества».

мерами о том, чтобы его азбуки были вполне практичными и соответствовали своему назначению»⁷⁶.

В 60-х годах XIX века были составлены азбуки для некоторых горских народов, в том числе абхазского.

В начале 1861 года генерал И. А. Бартоломей⁷⁷, один из действительных членов упомянутого выше Кавказского Отдела Русского Географического общества, представил наместнику Кавказа особую записку о введении письменности среди кавказских горских народов.

В этой записке Бартоломей выражает мнение, что труд по составлению азбук удобнее всего возложить на целую комиссию, в состав которой должны войти, кроме лиц знакомых с филологией, и туземцы, знающие языки природный и русский; комиссию эту целесообразно образовать в Тифлисе, где она может пользоваться пособием нескольких библиотек и для участия в её работе по мере надобности вызывая нужных людей, ибо «только при внимательном наблюдении и сравнении выговора нескольких человек можно получить ясное и точное понятие о нормальном произношении слов и выражений каждого языка».

Наместник поручил Бартоломеею создать и возглавить специальную комиссию и «приступить к составлению азбук для всех кавказских горских народов, предоставив его собственному усмотрению начать с того или другого языка. Бартоломей, принимая во внимание, что абхазский язык употребляется, кроме самой Абхазии, ещё и в Самурзакане, Цебельде, Псху, Ахчипсоу, у прибрежных джигетов и у других племен абхазского происхождения, обитающих на север от главного хребта, счел удобным начать с языка абхазского, который по произношению и разнообразию звуков, входящих в состав его, резко отличается от прочих кавказских языков и представляет особенные трудности к изучению его»⁷⁸.

По указанию наместника для приглашения в Тифлисе лиц, одновременно знающих абхазский и русский языки, в сентябре 1861 года в Сухум был командирован особый чиновник. По приезде в Тифлис лиц, приглашенных из Абхазии, была образована специальная комиссия, работавшая под руководством И. А. Бартоломея над составлением абхазского букваря по уполномочию Общества восстановления

⁷⁶ Л. Загурский, Цитир. работа, стр. 64—65.

⁷⁷ Иван Алексеевич Бартоломей (1813—1870) — русский генерал и ученый, собиратель коллекции аршакидских и сасанидских монет, автор нескольких работ по нумизматике, оставил описание своей «Поездки в вольную Сванетию в 1853 г.», а также «Чеченский букварь» (1866 г.) и др.

⁷⁸ Введение письменности у кавказских горских народов, газета «Кавказ», № 70, 1862 г.

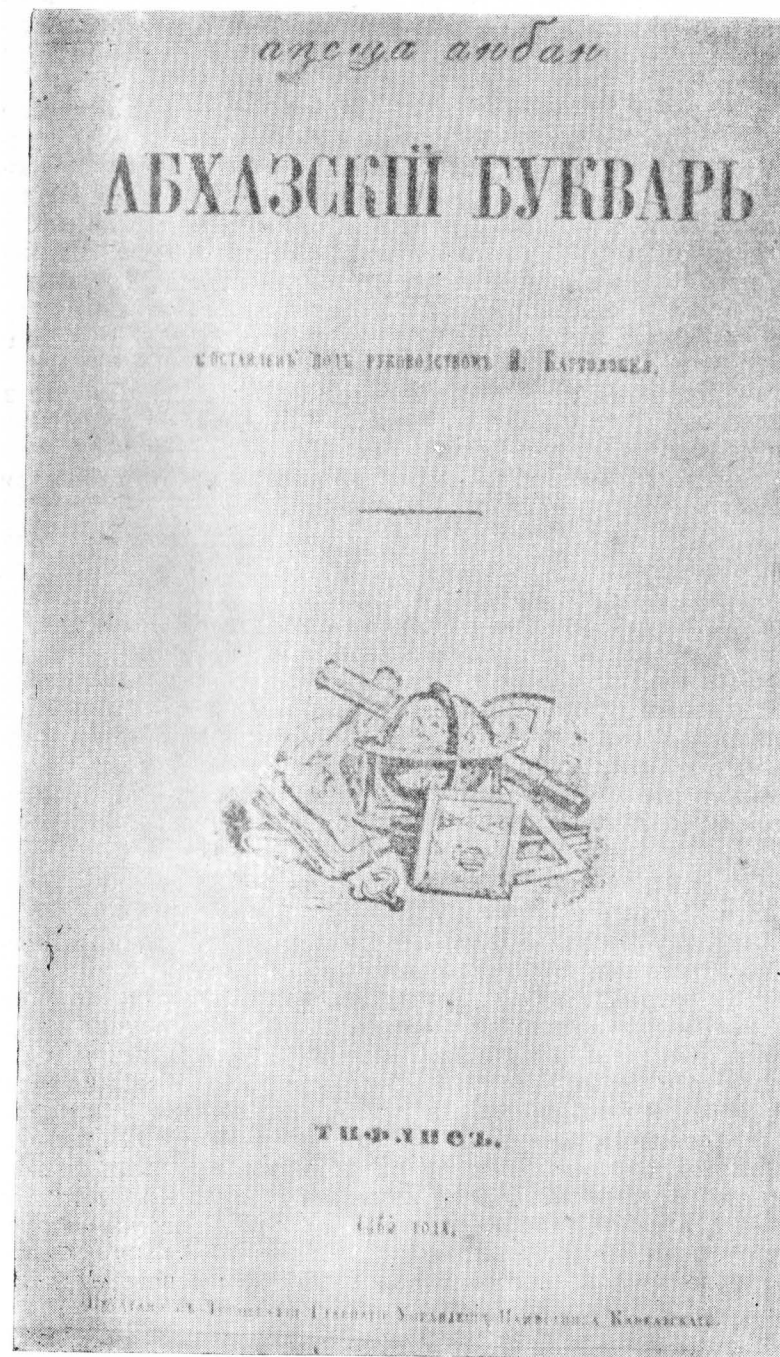

Рис. 22. Титульный лист абхазского букваря 1865 г.

православного христианства на Кавказе. Затем И. А. Бартоломей обратился П. К. Услару с просьбой просмотреть азбуку, составленную комиссией. Услар с охотой принял это предложение.

В работах комиссии И. Бартоломея активное участие принял К. Г. Шервашидзе, служивший в то время в Тифлисе. Как сообщается в газете «Кавказ» (№ 70, 1862 г.), «содействие в подобном деле вполне просвещенного и развитого абхаза, знающего, кроме природного, и другие языки, было драгоценно. Князь с охотой принял участие в деле комиссии, просмотрел и исправил все статьи, вошедшие в букварь, введя в них много оборотов, исключительно свойственных духу абхазского языка».

Работа над букварем продолжалась. По предложению упомянутой комиссии в конце июля 1862 года из Сухума в Тифлис была приглашена группа абхазцев — полковник Григорий Шервашидзе, майор Гасан Маргания и несколько исхувцев с целью ознакомления с абхазским текстом букваря и выяснения его доступности для понимания.

Приезжим абхазцам прочитали несколько статей из букваря. Письменная абхазская речь, как писал в газете «Кавказ» (1862 г.) один из членов комиссии, «произвела очень приятное впечатление на почтенных слушателей и они единодушно отзывались, что язык совершенно правилен, мысли просты и вразумительны». Тот же автор, считая эту оценку убедительным удостоверением в основательности букваря, выразил уверенность, что можно «с надеждою на успех применить труд этот к делу и таким образом внести в народ письменность, которой он в течение всего своего существования не имел, и тем положить начало новой духовной его жизни»⁷⁹.

Первый абхазский букварь (в объеме 188 страниц) был издан в Тифлисе в 1865 году. В предисловии к нему И. Бартоломей писал: «Букварь этот составлен в 1862 году комиссией, состоявшей, под председательством моим, из членов Д. П. Пурцеладзе и В. Г. Трирогова, при содействии природных абхазцев: священника Иоанна Гега, прапорщика Георгия Курцикидзе и дворянина Симеона Эшба. Абхазский текст пересмотрен и исправлен в 1863 году князем Константином Георгиевичем Шервашидзе, а в 1864 году князем Григорием Александровичем Шервашидзе, по предложению которых бзыбское произношение, сначала принятое в букварь, заменено общеабхазским. При чем комиссия пришла к убеждению, что составленная генерал-майором Усларом азбука более соответствует точному выражению звуков абхазского языка, чем первоначально составленная самой комиссией».

⁷⁹ Газета «Кавказ», № 70, 1862 г.

В первом абхазском букваре использованы без изменения их начертания — все знаки усларовского алфавита за исключением трех, изображающих бзыбские согласные: переднеязычный свистяще-шипящий спирант s^1 , переднеязычные свистяще-шипящие аффрикаты c^1 и $ç^1$, но буквы, обозначающие свистяще-шипящие лабиализованные переднеязычные спиранты c^0 и z^0 и велярно-фарингальный спирант x (и его лабиализованный вариант) были оставлены в букваре, так как вслед за Усларом эти согласные рассматривались как общеабхазские.

Абхазский букварь И. Бартоломея, составленный на трех языках (абхазском, русском и грузинском), не походит на обычные буквари. Он не иллюстрирован, буквы последовательно не изучаются. Сначала даются краткие сведения о произношении собственно абхазских согласных. Затем идет лексический материал из односложных, двухсложных, трехсложных и многосложных слов, материал для чтения: фразы, легкие детские рассказы, басни и небольшое извлечение из ветхозаветной книги. Собственно букварная часть и материал для чтения на этом завершаются. Далее следует обширное приложение к азбуке в виде сборника слов, которое ставит своей целью «дать первоначальную возможность абхазцам к ознакомлению с некоторыми русскими, а русским и грузинам с абхазскими словами».

В конце букваря приложен сборник абхазских пословиц, составленный Г. Курцикидзе (рис. 23). Это — оригинальный неповторимый текстовой материал в букваре.

Остальные тексты (рассказы, басни и т. д.) переведены с русского языка. Абхазский перевод стоит на высоком уровне, он сделан тщательно, и, как первый опыт, заслуживает внимания... При этом нужно заметить, что переводы составлялись с крайней осторожностью: трудные русские обороты избегались, каждая фраза, переведенная с русского на абхазский одним абхазцем, проверялась обратным переводом с абхазского на грузинский — другим переводчиком.

Первый абхазский букварь не получил практического применения ввиду отсутствия абхазских школ и учительских кадров. Зачатки абхазской письменности надолго задержались в своем развитии. Целый ряд событий исключительно неблагоприятствовал этому. После народного восстания 1865 года последовали жестокие репрессии, а после русско-турецкой войны (1877—78 гг.) значительная часть абхазского населения была вынуждена переселиться в султанскую Турцию.

Следует отметить, что П. Услар не был доволен принципом составления абхазского букваря, осуществленного комиссией И. Бартоломея. Он требовал изучения языка, для которого составляется азбука. «Чтобы установить азбуку на незыблемом основании, необходимо серьезно изучать

язык» — писал он. Только этим можно объяснить отрицательное отношение П. Услара к работе указанной комиссии, занимавшейся составлением первого абхазского букваря. В

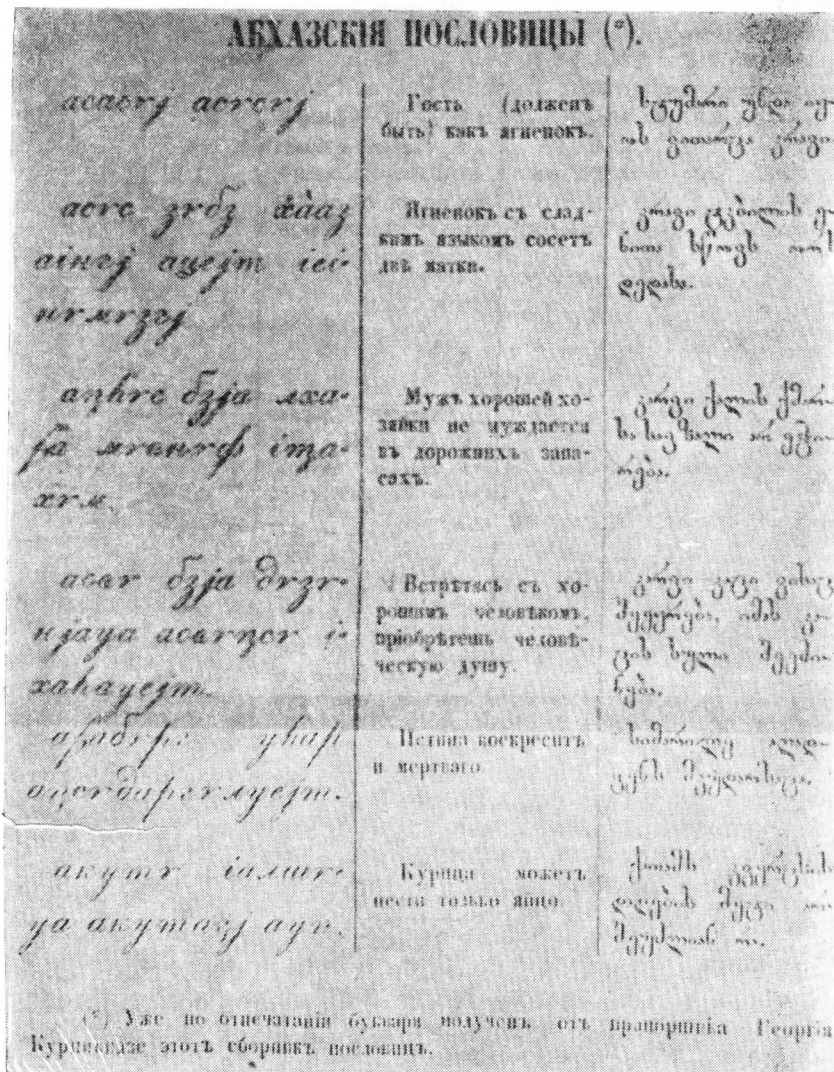

Рис. 23. Страница из абхазского букваря 1865 г.

частности это сказалось и в статье «Нечто об азбуках кавказских языков» (газ. «Кавказ», № 20, 1863 г.), в которой он подвергает резкой критике статью неизвестного автора —

«Введение письменности у кавказских горских народов» (газ. «Кавказ», № 70, 1862 г.). П. К. Услара не удовлетворяли, судя по его выступлениям, самый процесс и методика работы комиссии, а также, видимо, он был недоволен освещением в упомянутой статье его роли в создании абхазской азбуки. В своем письме к А. Берже в 1863 г. Услар писал: «Почему, например, в отчете Георг. Общ. составление абхазской азбуки приписано комиссии г. Бартоломея, между тем как даже в статье № 70 газеты «Кавказ» высказано совсем другое. Мне известно, что г. Бартоломей думает, будто бы ничего в отношении к азбукам кавказских туземцев не может проявляться в свет без его позволения. Вместо ответа, объявляю, что принимаю на себя обязанность печатно разобрать его абхазский букварь, только что появится он в свет. Само собою разумеется, что это не есть намерение, вследствие личных отношений, разругать сочинение, еще не появившееся, но ведь уже надобно быть совершенно недоступным здравому смыслу, чтобы сомневаться в том, что, не познакомившись с грамматическим строением языка, нельзя писать на нем, что все написанное будет чушь и безграмотность, что безграмотное письмо крайне вредит успехам грамотности, приучая глаз к нелепому письму. На этом основании, я заблаговременно объявляю, что букварь г. Бартоломея и К° есть чушь и безграмотность, что будет доказано мною математически впоследствии. Эти господа считают все это за личности. Чорт ли мне до них; у меня много дела поважнее их личностей. — только бы не пакостили цивилизации Кавказа, к чему первым шагом должна быть грамотность»⁸⁰.

В цитированном выше письме Услар сообщает также о своей работе над составлением абхазского букваря. «У меня изготовляется, — пишет он, — также мой абхазский букварь, который (с позволения или без позволения г. Бартоломея) в свою очередь появится в свет и который представляю каждому разбирать как ему угодно. Поправок потребует он множество, но поправки людей смыслящих будут приняты с глубокой признательностью».

Однако, по-видимому, абхазского букваря Услар не окончил; по сообщению М. Завадского, сохранилось лишь несколько черновых набросков.

Обществом восстановления христианства на Кавказе в 1866 году в Тифлисе была опубликована вторая книга на абхазском языке — «Краткая священная история». Она переведена из книги под названием «Доброе чтение православным», как сказано в предисловии Бартоломея, природными абхазцами — священником И. Гегиа, подпоручиком Д. К.

⁸⁰ П. Услар, Чеченский язык, стр. 20—21.

Маргания и прапорщиком Георгием Курцикидзе. Труд был начат 15 октября 1865 года и окончен 5 марта 1866 года. Корректором абхазского текста при печатании был Г. Курцикидзе.

Грузинский культурный деятель и краевед Абхазии К. Д. Мачавариани активно включился в работу по составлению нового абхазского букваря. К этой работе он привлек семнадцатилетнего своего ученика Д. Гулиа и они совместно выпустили новый (второй по счету) абхазский букварь в 1892 году (рис. 24)⁸¹.

Касаясь введения письменности на абхазском языке, видный дореволюционный этнограф и народный учитель Н. С. Джанашиа отмечает значительную роль в деле создания абхазского букваря, которую сыграл «известный К. Мачавариани, серьезно взявшийся за это дело. В 90-х годах он с помощью своих учеников принялся за перевод священного писания на абхазский язык. В 1892 году вышла в свет более или менее разработанная, составленная К. Мачавариани и абхазом Д. Гулиа, абхазская азбука и первая книга для чтения, и этим была заложена основа грамотности на абхазском языке. С этого времени в некоторых школах по этой книжке стали обучать абхазских детей родному языку»⁸².

В развитии абхазской культуры принимали участие и другие представители грузинской интеллигенции. Упомянутый выше член комиссии Бартоломея по составлению абхазского

⁸¹ Абхазская азбука. Молитвы, X заповедей и присяжный лист, Тифлис, 1892. Авторы внесли некоторые изменения в усларовскую азбуку:

буква *ѵ* была заменена буквой **Ц**, а буква *ѣ* соответственно буквой **т**

(из алфавита Шегрена); из алфавита М Завадского заимствована буква

ц (последняя взята из сербского алфавита), буква *х*, обозначавшая в усларовском алфавите бзыбский заднеязычный согласный, была изъята, но были оставлены буквы, обозначающие бзыбские лабиализованные переднеязычные спиранты. Буква *ј*, как и в предыдущем букваре, используется как знак смягчения. С учетом этих изменений, для букваря был принят алфавит, состоящий из 51 знака (см. Сравнительную таблицу абхазских алфавитов).

На основе букваря К. Мачавариани и Д. Гулиа был составлен в 1906 году новый букварь абхазского языка под названием «Абхазская азбука и статьи для чтения и письменных работ». Авторство книги не указано. Некоторые исследователи ошибочно принимают этот букварь, как простое переиздание букваря К. Мачавариани и Д. Гулиа.

⁸² Н. С. Джанашиа, Пестрые заметки (об абхазах и Абхазии), газ. «Дребба», № 282, 1909 г.

Первая попытка изобразить условными знаками звуки абхазского языка сделана покойным Н. К. Усларомъ въ 1862 г. ¹⁾

Въ 1865 г. издавъ былъ первый Абхазскій Букварь.

Цѣль нашей Азбуки заинтересовать дѣтей-абхазцевъ ихъ грамотою и облегчить имъ изученіе русскаго языка. Они ознакомятъ съ начертаніемъ русскія буквы при звуковомъ разборѣ и изображеніи знаками словъ своего роднаго языка и прежде чѣмъ усвоить хрестоматійскій матеріалъ на урокахъ русскаго языка, они уже будутъ знать большую часть русскаго алфавита и съ тѣмъ большаго интересомъ и безъ особаго затратъ времени приступать къ чтенію и письму русскаго.

Но и въ американскихъ училищахъ съ буквами, ни двѣмъ для писанія и чтенія сначала отдѣльныя слова, затѣмъ фразы, потомъ употребительнѣйшія пословицы и поговорки и наконецъ цѣлыя разсказы.

Молитвы дадутъ прекрасный матеріалъ для чтенія и научатъ абхазскихъ дѣтей молиться Богу на ихъ родномъ языкѣ.

К. Мачавариани и Д. Гулиа.

Т. Сулиа,
1892 г.

¹⁾ Издаваема въ 1867 г. Управленіемъ Кавказскаго Учебнаго Округа трудъ Н. К. Услара «Абхазскій языкъ» рекомендовать исльмъ учителямъ абхазскихъ школъ.

Рис. 24 Страница из абхазской азбуки 1892 г.

букваря Д. П. Пурцеладзе, который был чиновником особых поручений при наместнике и заведовал делопроизводством Общества восстановления христианства на Кавказе, всяче-

ски содействовал распространению грамотности среди горцев, а также составлению абхазского и чеченского букварей. Он оказывал Услару помощь в изучении сванского языка. «Кланяйтесь от меня г. Пурцеладзе, — писал Услар А. Берже, — рассчитываю на дружеское обещание его мне сванетских материалов»⁸³. В дальнейшем Пурцеладзе выслал Услару несколько тетрадей сказок сванских, чеченских и абхазских.

Открытие первой школы в Абхазии (в сел. Окуми) в конце 50-х годов XIX в. связано с именем протоиерея-миссионера Д. Мачавариани.

Должна быть положительно оценена и деятельность грузинского историка Д. Бакрадзе, являвшегося инспектором Общества восстановления христианства на Кавказе. Он старался содействовать развитию просвещения среди абхазцев.

В начале XX века, в связи с общим процессом, происходившим в социально-экономической и культурной жизни всей России, и в Абхазии создаются некоторые предпосылки для развития экономики и культуры, формируется небольшая группа местной интеллигенции, которая настойчиво занимается вопросами просвещения абхазского народа; возникает Переводческий комитет, на абхазском языке начинают издаваться учебники, научно-популярные брошюры, церковные книги (включая Евангелие) и т. д. Организуется общество распространения просвещения среди абхазцев. Вместе с Д. Гулиа — основоположником абхазской художественной литературы, рука об руку с ним, в то время активно работали над просвещением и развитием культуры абхазского народа такие известные деятели Абхазии, как Ф. Х. Эшба, К. Д. Мачавариани, П. Чарая, А. М. Чочуа, С. М. Ашхацава, С. Я. Чанба, Н. С. Патеипа, А. И. Чукбар, Р. И. Какубава, Н. С. Джанашиа, Д. Т. Маргания, С. П. Басария и др.

Алфавит, созданный Усларом, но слегка видоизмененный, был принят Абхазским переводческим комитетом, который с конца прошлого столетия работал в Сухуме над переводом священного писания на абхазский язык. На этом же алфавите издавались и учебники, а также и кое-какая художественная и научно-популярная литература⁸⁴.

В 1909 году для употребления в абхазской народной школе был издан букварь, составленный народным учителем А. М. Чочуа и рассмотренный в особой комиссии. В предисловии автор букваря писал: «Предлагая составленный мною абхазский букварь вниманию деятелей абхазской народной школы, я буду очень благодарен за сообщения о

его недостатках и приложу все старание, чтобы исправить букварь в той надежде, что общими усилиями подвинется вперед трудное и чрезвычайно важное для абхазского народа дело начального образования.

На практике выяснилась необходимость произвести в азбуке некоторые изменения: расположить буквы в ином порядке и изменить правописание применительно к принятому Сухумской абхазской комиссией»⁸⁵.

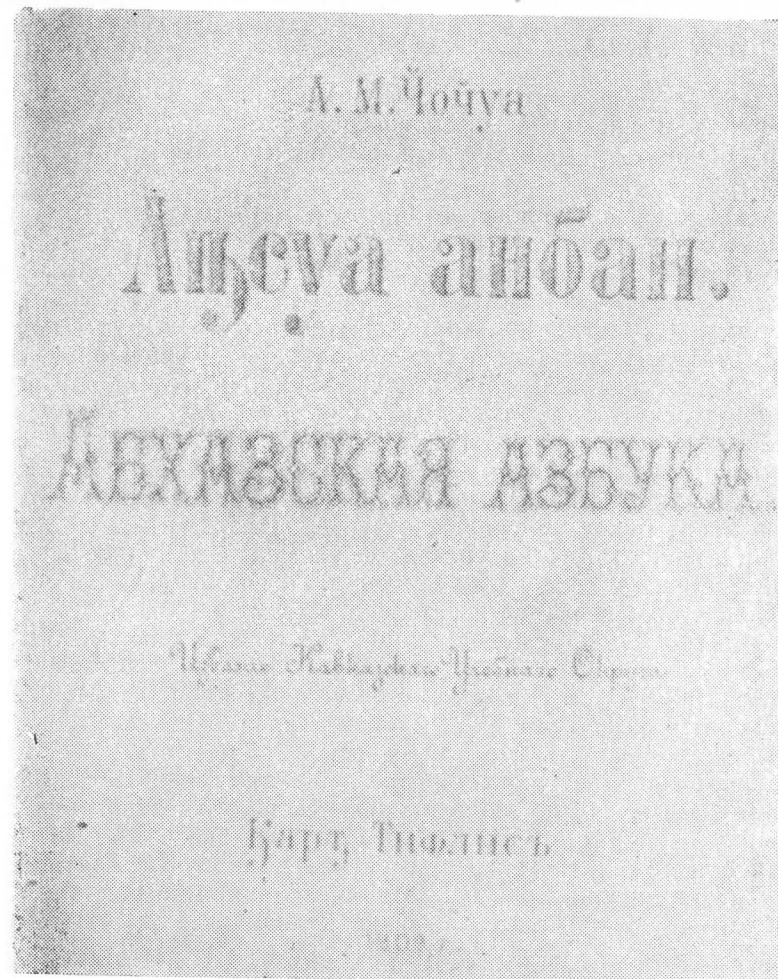

Рис. 25. Абхазский букварь А. М. Чочуа (1909 г.).

⁸³ П. Услар, Чеченский язык, стр. 32.

⁸⁴ С. Н. Джанашиа, К истории абхазского алфавита, «Труды», т. III, Тбилиси, 1959, стр. 211—212.

⁸⁵ А. М. Чочуа, Абхазская азбука, Тифлис, 1909.

С точки зрения методических требований, предъявляемых к букварю, «Абхазская азбука» А. М. Чочуа (рис. 25) следует считать наиболее удачной, которая с тех пор переиздавалась с дополнениями и изменениями. По сей день абхазские дети с этой книгой в руках переступают порог своей школы.

В букваре А. М. Чочуа буквы расположены в порядке, учитывающем методику преподавания родного языка, исходя из опыта составления русских и грузинских букварей: изъятые буквы **ჟ** и **ჟ**, обозначающие бзыбские лабиализованные переднеязычные спиранты, употреблявшиеся в предыдущих букварях и алфавите переводческого комитета; надбуквенный значок **◌̣** используется и для смягчения заднеязычного **х**.

В 1914 г. в Тифлисе вышло второе дополненное издание Абхазской азбуки А. М. Чочуа.

Должна быть отмечена статья С. А. Алферова «Методические указания к абхазской азбуке», опубликованная как бесплатное приложение к указанной азбуке А. М. Чочуа. Эта статья, являющаяся первой работой, посвященной вопросам преподавания абхазской азбуки, содержит ценные методические указания, сохраняющие и поныне значительный интерес. С. Алферов выступал сторонником метода одновременного обучения письму-чтению (как это имеет место в букваре А. М. Чочуа), «что бы дети могли каждую изучаемую вновь букву по указанию учителя разложить в ее письменном начертании на составные элементы и написать — и таким образом сразу закреплять в своей памяти как рукописное, так и печатное изображение буквы».

Говоря о дореволюционной абхазской письменности, следует упомянуть и алфавит С. М. Ашхацава, составленный еще в 1906 году в г. Юрьеве при содействии проф. Мазинга. Алфавит этот состоит из 77 знаков и охватывает все фонемы бзыбского диалекта. На этом алфавите Бзыбским комитетом Общества распространения просвещения среди абхазцев в 1913—1914 гг. было записано и переслано в Петроград академику Н. Я. Марру около 100 абхазских сказок. Этим и ограничилось практическое применение данного алфавита⁸⁶.

Была сделана попытка создания букваря на родном языке для зарубежных абхазцев, проживающих в Турции. Бук-

⁸⁶ С этим алфавитом можно ознакомиться в работах Н. Я. Марра: О языке и истории абхазов, М.-Л., 1938, стр. 158—164; О записывании абхазских текстов (в серии «Пособия для работ по яфетическому языкознанию»), 1, Петроград, 1918; С. Н. Джанашиа, Труды, т. III, Тбилиси, 1959, стр. 211—213; Х. С. Бгажба, Бзыбский диалект абхазского языка, Тбилиси, 1964, стр. 17.

варь для турецких абхазцев на основе латинского алфавита был составлен проф. М. Бутба (Abət⁰) и издан в Стамбуле в 1919 году. Но этот букварь не получил практического применения, так как в Турции абхазы, черкесы (вообще национальные меньшинства) лишены возможности развивать свою национальную культуру на родном языке.

Абхазская письменность, возникшая еще в дореволюционное время, несмотря на стремление реакционной царской администрации использовать её как средство духовного закабаления народных масс, создала некоторые предпосылки для распространения грамотности среди населения и закладки основы абхазской художественной литературы. В 1912 и 1913 годах были изданы первые книги абхазской художественной литературы — сборники стихов Д. И. Гулия (1874 — 1960). В 1919 г. стала выходить первая абхазская газета «Апсны» (Абхазия). В 1920 были изданы учебники А. М. Чочуа «Абхазский язык» для 2-го и 3-го годов обучения, а также драма С. Я. Чанба «Амхаджир». Однако в то время письменность имела весьма ограниченную функциональную широту: письменность не была массовой. На абхазском языке издавалась главным образом церковная литература.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в Советском Союзе благодаря заботе Коммунистической партии и Советского правительства была намечена и осуществлена огромная программа культурного строительства в нашей стране. Был решен один из кардинальнейших вопросов культурной революции для народов нашей страны — вопрос о создании письменности, облегчающей быстрое усвоение грамоты массами.

Совершенно иные закономерности возникают в развитии абхазской письменности при советском строе, когда Абхазия, преобразованная социалистическим строительством, добилась экономического и культурного расцвета. Больших успехов достигла культура абхазского народа, социалистическая по содержанию и национальная по форме. Изменяется общественная функция абхазского письменного языка, происходит расширение сферы его применения, вызванное введением всеобщего обучения и преподаванием в школе на данном языке появлением периодической печати (газет и журналов), увеличением удельного веса художественной литературы и книгоиздательского дела. Все это подняло значение абхазского письменного языка.

В советские годы национальная письменность способствовала развитию абхазского языка и культуры. На родном языке созданы школы, театр, радиовещание, пресса. Получает широкое развитие национальная литература и издательская работа. С каждым годом растет количество выпускаемых книг по общественно-политической, научно-популярной,

учебной и переводной литературе. На абхазском языке выходят: республиканская газета «Апсны Капш», литературно-художественный и общественно-политический журнал «Алашара», детский иллюстрированный литературный журнал «Амцабз».

В первые же годы после установления Советской власти в Абхазии развернулась интенсивная работа по усовершенствованию письменности и распространению её среди народных масс. Однако было бы неверно представлять себе, что в развитии абхазской письменности за годы Советской власти не было никаких помех и трудностей. Это — прежде всего частая смена алфавитов.

С 1926 года по 1954 год абхазское письмо менялось четыре раза.

В 1926 году был отменён прежний абхазский алфавит, составленный на русской графической основе, и был введен новый алфавит, разработанный на основе латинской графики акад. Н. Я. Марром и именуемый им «аналитическим» или «яфетическим». Алфавит Н. Я. Марра изображал специальными одинарными значками все фонемы абхазского языка, включая характерные для бзыбского диалекта согласные, и имел 77 знаков. Комиссия, выделенная Наркомпросом Абхазии для просмотра этого алфавита с целью его практического применения, признала целесообразным немного упростить графическое начертание некоторых букв, изъяв из него знаки, изображающие специфические бзыбские фонемы. Таким образом, аналитический алфавит Н. Я. Марра был доведен до 62 букв. Однако, вследствие практических неудобств (многобуквенность, чрезвычайная сложность графического начертания букв), пришлось отказаться и от этого алфавита.

К этому времени широко распространилась среди тюрко-татарских народов Средней Азии, Поволжья и горских народов Кавказа латинизация письменности. Это было вызвано стремлением создать для всех означенных народов унифицированный алфавит на латинской основе, в котором одинаковые звуки должны были выражаться одними и теми же знаками. Для перевода письменности на латинизированный алфавит был создан Всесоюзный Центральный Комитет нового тюркского алфавита (ВЦК НТА). В 1927 году в Баку первый пленум ВЦК НТА принял единый унифицированный алфавит для всех тюрко-татарских народов. Второй пленум того же комитета, созданный в 1928 году в Такшене, постановил унифицировать алфавиты кавказских национальностей. Был создан Северо-Кавказский краевой комитет нового алфавита. Началась работа и по составлению абхазского алфавита.

В 1928 году по поручению Наркомпроса Абхазии профессором Н. Ф. Яковлевым был составлен новый латинизи-

рованный абхазский алфавит, близкий адыгейскому и абазинскому алфавитам, хотя в них наличествовали довольно значительные расхождения. В 1933 году для упрощения алфавита были изъяты заглавные буквы.

В школьную практику алфавит был введен с 1929 г. и им пользовались до 1938 года.

Латинизированный алфавит в Абхазии в свое время сыграл некоторую положительную роль в распространении грамотности среди абхазского населения, но и он не разрешил проблему абхазского алфавита, не стал соответствовать возросшим требованиям. Вот что говорил в 1934 г. проф. Н. Ф. Яковлев — один из видных пропагандистов латиницы того времени, о составленном им же абхазским латинизированном алфавите: «Благодаря введению отдельного знака (И) и использованию одной буквы (u) в качестве знака лабиализации, число букв в новом абхазском алфавите еще раз значительно сократилось (до 51), так как изображавшиеся ранее особыми одинарными буквами лабиализованные («огубленные») и палатализованные («мягкие») фонемы в своем большинстве теперь стали изображаться двойными буквами, не увеличивая общего числа типографских знаков (литер) в алфавите. Однако, сокращение с помощью этих знаков не было доведено в абхазском до конца. В алфавите осталось еще до 11 особых одинарных букв, которые с большей или меньшей степенью фонетической точности могут быть изображены, как палатализованные и лабиализованные, тем же способом двойных букв. И этот значительно сокращенный алфавит в 51 букву оказался все-таки слишком громоздким для пишущей машинки и линотипа (обычно того типа)»⁸⁷.

Кроме того, жизнь народов СССР, развитие советского социалистического строя показали, что латинский алфавит искусственно создавал ничем неоправданную изоляцию от русского языка и русской письменности. Следовательно, этот алфавит стал противоречить принципу интернационального сближения народов, в первую очередь с русским народом⁸⁸.

В 30-х годах осуществился переход на систему русской графики у тех народов Советского Союза, которые в 20-х годах перешли на латинизированный алфавит.

Встал вопрос о создании нового абхазского алфавита. С учетом местных условий, абхазская письменность в то время была переведена на грузинскую графику.

⁸⁷ Доклад проф. Н. Яковлева «О сокращении абхазского и абазинского алфавитов», Госархив Абхазской АССР, ф. 8, № 2, лл. 106—113.

⁸⁸ М. Д. Чентиева, История чечено-ингушской письменности, Грозный, 1958, стр. 74—75.

В 1937 г. Абхазская областная конференция КП(б) Грузии вынесла решение разработать новый абхазский алфавит на основе грузинской графики. В декабре месяце того же года в Абхазском научно-исследовательском институте было создано специальное совещание для рассмотрения проектов нового абхазского алфавита. В работе совещания приняли участие представители Наркомпроса Абхазии, Абгосиздата, редакции «Апсны Капшы», педагоги, а также приглашенные из Тбилиси ученые.

К обсуждению были представлены проекты А. Г. Шанидзе, С. Н. Джанашиа и Д. И. Гулиа, которые исходили из принципа изображения дополнительных абхазских звуков с помощью служебных знаков, и сводный проект М. Л. Хашба, А. М. Чочуа и др., основанный на приближении к принципу создания особых начертаний для каждого звука.

Был принят сводный проект, в основу которого положены проекты Д. И. Гулиа, А. Г. Шанидзе и С. Н. Джанашиа.

В итоге получился алфавит, состоящий из 36 полноценных и 3-х различительных знаков (о, э, ә), которые при комбинированном способе передачи специфических абхазских звуков передают весь звуковой состав абхазского литературного языка. Абхазский алфавит, составленный на основе грузинской графики, наряду с вышеупомянутым латинизированным, сыграл положительную роль в деле дальнейшего подъема национальной культуры абхазского народа.

В 1954 г. был осуществлен переход на новый абхазский алфавит на русской графической основе, разработанный и принятый специальной комиссией в Сухуми. Алфавит состоит из сорока одинарных основных и 18 двойных букв:

а) одинарные

Аа	Бб	Вв	Оо	Гг	ԂԂ	Дд	Ее	Жж	Цц
Зз	Зз	Ии	Кк	Ққ	Кк	Лл	Мм	Нн	Оо
Пп	ԂԂ	Рр	Сс	Тт	ԂԂ	Уу	Фф	Хх	Хх
Цц	Цц	Чч	Чч	ԂԂ	ԂԂ	Шш	Ыы	Ьь	Әә

б) двойные

ԂԂԂԂ	ԂԂԂԂ	ԂәԂә	ԂԂԂԂ	ԂәԂә	ԂԂԂԂ
ЗәЗә	КьКь	КьКь	КьКь	ТәТә	ТәТә
ХьХь	ХәХә	ЦәЦә	ЦәЦә	ШьШь	ШәШә

В дополнение к обычному русскому алфавиту в абхазский алфавит внесены некоторые знаки, существовавшие в старых абхазских алфавитах на русской основе: **Ԃ, К, Т, Ԃ, ц, ц, е, е.**

Особенно широко применяется седиль, который не использован для создания новой буквы, обозначающей гортанный х (соотв. груз. ჯ). Путем перечеркивания к изображается заднеязычный спирант Ԃ (соотв. груз. ყ).

Лабиялизация передается при помощи специального знака ә, а палатализация согласных, за исключением ч и ч, посредством мягкого знака ь. Лабиялизация передается еще через сочетание с буквой у (гу, Ԃу, ку, Ԃу, ху). Но лабиализованные согласные, обозначаемые путем сочетания с буквой у, в алфавит не включены, в практическом письме они рассматриваются как звукосочетания и не фонемы. Правда, в оправдание этого можно было бы сказать, что характер лабализации у заднеязычных согласных другого рода, чем у остальных более компактных групп лабиализованных согласных, как напр., тә, тә, дә, цә, зә, цә, жә, шә.

Алфавит, как основа всей письменной культуры современного общества, должен отвечать как научным целям, так и практическим требованиям; он должен быть: а) способным передать все фонемы данного языка, б) последовательным в отношении передачи однородных нюансов произношения, в) прост в отношении начертания и набора.

Нужно признать желательным, чтобы дополнительные знаки, представляя отдельные начертания, включали бы в себя по возможности одинаковые модификации для одинаковых фонетических особенностей (напр., для лабализации была бы использована одна модификация, для палатализации — одна и т. д.).

В этом отношении современный абхазский алфавит, к сожалению, содержит некоторые недостатки: 1) нарушение системы в употреблении диакритических знаков; например, для передачи придыхательных согласных нужно было бы использовать один знак, в данном случае седиль, но это нарушается (ср. т и Ԃ); 2) обращает на себя сложность начертания некоторых букв, как е, е; 3) широкое применение седилья, присоединяемого не только при обозначении придыхательных (Ԃ, Т, К), но и заднеязычного, гортанного х и аффри-

каты Ԃ. При этом абруптивы (смычногортанные) передают-

ся и без седилья (напр., фарингальный глухой Ԃ); 4) неко-

торые знаки (к, х) нового абхазского алфавита менее удобны по своему графическому начертанию, чем прежние — уславские (q, h); 5) количество двойных согласных можно было бы увеличить и знак э распространить и на заднеязычные гә, ҃ә, кә, қә, кә, хә. Если последовательно придерживаться системы передачи твердых согласных абхазского языка простыми начертаниями (напр. ш, ж, ц), то можно было бы избежать искусственных знаков для е и ҃е. В таком случае для передачи мягких ч и ҃ч следовало использовать мягкий знак и тем самым число знаков алфавита можно было бы сократить до 38; 6) кроме того, отсутствие т. н. «полугласных» й и у в алфавите нельзя считать оправданным, так как именно они распространены в языке.

Несмотря на отмеченные недостатки, современный абхазский алфавит успешно содействует дальнейшему росту просвещения и культуры абхазского народа.

Тот факт, что в течение неполных тридцати лет (с 1926 по 1954 год) алфавит менялся четыре раза, говорит о сложности пути, по которому шло развитие абхазской письменности. Такое положение не могло в известной мере не тормозить темпов развития национальной культуры.

В целом же абхазская письменность развивается по восходящей линии, являясь важнейшим элементом национальной культуры абхазского народа, как средства воспитания народных масс в духе коммунизма.

За годы Советской власти была решена важная задача по созданию абхазского литературного языка.

Периодизация абхазского литературного языка намечена проф. А. Н. Генко.

Первый период относится к 1865—1866 гг., — когда были изданы «Абхазский букварь» И. Бартоломея и перевод «Краткой священной истории». Составители букваря и переводчики второй книги в основе письменного языка положили ааинский говор (или непосредственно примыкавший к нему в то время гумский говор, на территории которого находился гор. Сухуми).

С 1892 года, с выпуском букваря К. Мачавариани и Д. Гулиа начинается второй период в развитии абхазского письменного языка, характеризующийся, — как пишет А. Н. Генко, — «введением в литературный обиход южного, кодор-

ского наречия (точнее, абжуйского говора этого наречия), главным образом в работах Д. И. Гулиа».

Этот период продолжался до 1921 года; с этого времени длится третий период развития абхазского литературного языка, который, «продолжая формироваться на основе абжуйского диалекта (главным образом в фонетическом отношении), постепенно меняет свой облик, все более обогащаясь новой терминологией и фразеологией, усложняя свой синтаксис и пр. Влияние абхазского литературного языка на речевую деятельность всех носителей абхазского языка, не исключая молодое поколение бзыбцев, усиливается»⁸⁹.

В 1932 году акад. Н. С. Джанашиа в своей статье «К истории абхазского алфавита» писал: «В основу литературного языка ныне положен абжуйский (кодорский) говор, как наиболее простой по своему звуковому составу»⁹⁰.

То же самое утверждает и в статье «Абхазский язык», помещенной в БСЭ: «Лишь при Советской власти широко развился абхазский литературный язык на основе абжуйского диалекта»⁹¹.

Отсутствие устойчивой диалектной базы в дореволюционные годы создавало трудности в развитии абхазского литературного языка в начале советского периода. Нужно было унорядочить общественно-политическую и научно-отраслевую терминологию, установить твердые орфографические и орфоэпические правила и т. д.

В 20-х и 30-х годах, а также в 50-х годах была проделана определенная работа по упорядочению терминологии и орфографии абхазского литературного языка, по урегулированию его диалектной ориентации⁹². В эти годы в развитии

⁸⁹ А. Н. Генко, фонетические взаимоотношения абхазского и абжуйского языков, Труды Абх. ин-та, т. XXVIII, 1957, стр. 186.

⁹⁰ С. Н. Джанашиа, Труды т. III, Тбилиси, 1959, стр. 212

⁹¹ БСЭ, т. I, 2-е изд., М., 1949, стр. 57—58.

⁹² М. Хашба, Д. Дарсалия, Краткий абхазский политегловарь (҃аарк҃аеу а҃суа политег҃ар), в двух томах, Сухуми, 1930; Г. Гулиа, Терминология по литературе и языковедению, Сухуми, 1930; его же, Краткая орфография абхазского языка (҃аарк҃аеу а҃суа бызшәа аор-ограф҃а), Сухум, 1933; Коллектив авторов (З. Агрба, Д. Гулиа, В. Кукба, Н. Таркил, А. Хашба, М. Хашба, С. Чанба), Русско-абхазский общественно-политический терминологический словарь, Сухуми, 1935; В. Кукба, О принципах построения терминологии абхазского языка, «Труды Абхаз. НИИ Краеведения», вып. 2, Сухуми, 1934, стр. 47—60; А. Хашба, О принципах построения единой орфографии абхазского языка, «Труды Абхаз. НИИ Краеведения», вып. 2, Сухуми, 1934, стр. 29—40; Х. Бгажба, Правила абхазской орфографии, Сухуми, 1958 (2-е изд. — 1960).

абхазского литературного языка большую роль сыграли учебники по родному языку (с I по III класс) выдающегося деятеля абхазской культуры и просвещения А. М. Чочуа (1879—1965).

Приход в литературу мастеров слова (Д. Гулиа, С. Чанба, И. Когониа, И. Папаскири, М. Хашба, Д. Дарсалия, Б. Шинкуба и др.) сказался на обогащении изобразительных средств абхазского литературного языка. Стабилизация и уточнение его норм происходит в направлении фиксации продуктивных грамматических средств общенародного распространения и устранения из литературного употребления узких диалектных черт.

В настоящее время проводится значительная работа по упорядочению и нормализации лексики абхазского литературного языка и составлению переводных и терминологических словарей по разным отраслям знания.

Дальнейшее развитие и усовершенствование абхазского литературного языка и обогащение его научно-техническими и интернациональными терминами идет параллельно с развитием и ростом экономики и культуры абхазского народа.

Единые нормы литературного языка оказывают нивелирующее влияние на особенности абхазских местных говоров, что будет способствовать дальнейшему стиранию резких отличительных особенностей между диалектами. Особенно большую роль в этом отношении играют обучение в начальной школе на родном языке, радио, пресса, театр и другие средства культурной и просветительной работы.

СИНОПТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА БУКВЕННЫХ И ТРАНСКРИПЦИОННЫХ ЗНАКОВ ДЛЯ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА

Ниже приводится синоптическая таблица транскрипционных знаков и соответствующих букв, употребляемых для выражения абхазских звуков:

1. Алфавит П. К. Услара
2. Печатная форма того же алфавита с дополнениями и изменениями М. Р. Завадского
3. Алфавит Переводческого комитета
4. Аналитический (яфетидологический) алфавит Н. Я. Марра
5. Латинизированный алфавит Н. Ф. Яковлева
6. Алфавит на основе грузинской графики
7. Современный абхазский алфавит
8. Латинские транскрипционные знаки, употребляемые в лингвистических целях.

В квадратные скобки поставлены написания, не представляющие собой отдельных цельных знаков, но выражающие определенные фонемы.

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
1	a	a	a	a	a	o	a	a
2	б	б	б	b	b	o	б	b
3	в	в	в	v	v	o	в	v
4	г	г	г	g	g	o	г	g
5	[гј]	[гј]	г̃	g	g	o	гь	g'
6	[гy]	[гy]	[гy]	g	[gy]	[o]	[гy]	g°
7	з	г̃	г̃	g̃	o	o	г	γ
8	[зј]	[г̃ј]	г̃	g̃	o	o	гь	γ'
9	[зy]	[г̃y]	[г̃y]	g̃	[oy]	[o]	[гy]	γ°
10	д	д	д	d	d	o	д	d
11	д̃	д	д̃	d̃	d̃	o	д̃	d°
12	e	e	e	e	e	o	e	e
13	ж	ж	ж	j	z	o	ж	ž°
14	[жј]	[жј]	ж̃	j	γ	o	жь	ž'
15	жк	жк	жк	j	j	o	ж̃	ž°
16	ж̃к	ж̃к	ж̃к	j	—	—	—	z°

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
17	—	—	п	p	g	ж̃	п	ž°
18	п	п	п̃	p̃	q	ж̃	п̃	ž'
19	e	ч	e	q	ф	ж̃	e	č°
20	ë	ч̃	ë	t	р	ж̃	e	č°
21	з	з	з	z	z	ж̃	з	z
22	—	—	—	z	—	—	—	z'
23	з̃	д	з̃	d̃	з	д	з̃	z̃
24	—	—	—	d̃	—	—	—	z̃°
25	з̃	д̃	д̃	d̃	z	д̃	з̃	z̃°
26	i	i	i	i	i	o	и	i
27	j	j	—	y	—	—	й	j
28	к	к	к	k	к	o	к	к
29	[кј]	[кј]	к̃	k̃	к̃	ж̃	к̃	к̃'
30	[кy]	[кy]	[кy]	k̃	[кy]	[ж̃]	[кy]	к̃°
31	к̃	к̃	к̃	q	к	o	к̃	к̃
32	[к̃ј]	[к̃ј]	к̃̃	q	к̃	ж̃	к̃̃	к̃̃'

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
33	[ky]	[ky]	[ky]	q	[ku]	[ky]	[ky]	к°
34	q	q	q	k	q	y	k	q
35	[qj]	[qj]	q̇	k̇	[qi]	yx	kb	q'
36	[qy]	[qy]	[qy]	k̇	[qu]	[yy]	[ky]	q°
37	л	л	л	l	l	л	л	l
38	м	м	м	m	m	м	м	m
39	н	н	н	n	n	н	н	n
40	o	o	o	o	o	o	o	o
41	п	п	п	p	p	п	п	p
42	п̇	п̇	п̇	ṗ	ṗ	п̇	п̇	ṗ
43	р	р	р	r	r	р	р	r
44	с	с	с	s	s	с	с	s
45	с̇	с̇	-	ṡ	-	-	-	s'
46	т	т	т	t	t	т	т	t
47	т̇	т̇	т̇	ṫ	ṫ	т̇	т̇	ṫ
48	τ	τ	τ	τ	τ	тo	тe	τ°

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
49	ѣ	ѣ	ѣ	l	ѣ	ѣ°	тe	ѣ°
50	y	y	y	u	u	у	y	u
51	-	-	-	w	-	-	-	w
52	ф	ф	ф	f	f	ф	ф	f
53	x	x	x	q̇	x	б	x	x
54	[xj]	[xj]	ẋ	q̇	xl	be	xb	x'
55	[xy]	[xy]	[xy]	q̇	xu	[by]	[xy]	x°
56	ẋ	ẋ	-	q̇	-	-	-	ẋ
57	[ẋy]	[ẋy]	-	q̇	-	-	-	ẋ°
58	ц	ц	ц	q̇	e	ц	ц	e
59	ц̇	ц̇	-	q̇	-	-	-	e'
60	ц̇	ц̇	ц̇	q̇	т	ц̇°	ц̇e	e°
61	ц̇	ц̇	ц̇	q̇	т	ц̇°	ц̇e	e°
62	ф̇	ц̇	ц̇	q̇	с	ф̇°	ц̇	e
63	ф̇	т	-	q̇	-	-	-	e'
64	ч	ч	ч	q̇	ч	-	ч	ė

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
65	ƒ	č	ц	t	ц	ⴁ	ц	č
66	h	h	h	h	h	ⴂ	х	h
67	h	h	h	h	h	ⴃ	хə	h°
68	ш	ш	ш	ш	š	ⴄ	ш	š
69	ш	ш	ш	ш	ſ	ⴅ	шб	š
70	щ	щ	щ	щ	ʃ	ⴆ	шə	š°
71	щ	щ	щ	щ	-	-	-	š°
72	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	у	ⴇ	ѳ	ѳ°
73	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ə	ⴈ	ѳ	ѳ°
74	-	-	-	-	-	o	ѳ	o
75	-	-	-	-	i	ⴉ	ѳ	~
76	-	-	-	-	-	ⴊ	-	ⴋ
77	-	-	-	-	-	-	-	ѳ(f)
78	-	-	-	-	-	-	-	ѳ

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Сведения о памятниках письменности	6
Возникновение и развитие абхазской письменности	35
Синоптическая таблица буквенных и транскрипционных знаков для абхазского языка	65

Хухут Соломонович Бгажба
ИЗ ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОСТИ В АБХАЗИИ

Напечатано по постановлению Редакционно-Издательского Совета
Академии наук Грузинской ССР

*

Редактор З. В. Анчабадзе
Редактор издательства Ц. В. Тавадзе
Техредактор Э. Б. Бокерия
Корректор Р. М. Паресишвили

Подписано к печати 16.12.1966; Формат бумаги 60×90^{1/16};
Печатных л. 4,50; Уч.-Издат. л. 4,07;
УЭ 02461; Тираж 1000; Заказ 1564;
Цена 28 коп.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 60, კუტუზოვის ქ., 15
Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 60, ул. Кутузова, 15

გამომცემლობა „მეცნიერების“ სტამბა, თბილისი, 60, კუტუზოვის ქ., 15
Типография Издательства «Мецниереба», Тбилиси, 60, ул. Кутузо

Цена 28 коп.